

16+

NOVA TOTIUS
TERRARUM
ORBIS
TABULA
ex officina G. a Schagen

Черняев В. Д.
Кто ты, человек?
(Сказание о Свете)

Владимир Дмитриевич Черняев
Кто ты, человек?
Сказание о Свете

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44080491

SelfPub; 2019

Аннотация

Героине романа, путешествовавшей в далёком прошлом и во вселенной, предстоит сделать выбор между интересами своей сущности и истинной любовью.

ВЛАДИМИР

ЧЕРНЯЕВ

КТО ТЫ, ЧЕЛОВЕК?

(сказание о Свете)

остросюжетный

приключенческо-фантастический роман

мегет

2014 г

СКАЗАНИЕ О СВЕТЕ

книга первая

(предъистория)

О том, как героиня, попав в далёкое прошлое, проходит через каскад приключений, приобретя новых друзей, в поисках Сокровищницы предков;

но, только вернувшись в реальную жизнь, ей удаётся попасть в неё, откуда она выносит Золотую книгу с тайными знаниями.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВСЕЛЕННУЮ

книга вторая

(причинное следствие)

О том, как героиня, уйдя в монастырь, посвящает всю свою жизнь изучению Золотой книги, и постигнув тайну способа перемещения по мирам, отправля – ется в путешествие во вселенную, а там побывав на разных планетах, пройдя приключения, узнаёт точную дату Конца Света на Земле, и то, что у неё есть генетический двойник – молоденькая девчонка, взяв тело которой, сможет прожить ещё одну жизнь; возвращается на Землю, чтобы попытаться спасти нашу цивилизацию.

ГИБЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ

книга третья

(событие)

О любви девчонки – двойника героини, о попытках предупредить людей о Конце Света и способе уйти от него, о том, что получилось, и переплетении их судеб.

СКААНИЕ О СВЕТЕ.

(предыстория)

В революциях и войнах,
вёл борьбу за воздух вольный,
ища счастье, человек.
Полыхал двадцатый век.

ГЛ. 1

1

Весенним воскресением,
увлекшись книги чтением,
поздним тёплым вечером,
дождиком отмеченным,
при окне открытом,
свежестью залитом,
выходящем в сад,
где сладкий аромат
яблони цветущей
стоял душистой гущей,
забыв о всём наверно,
над книжкой Жуля Верна
про море честь и смелость,
сильно засиделась
Королёва Света.
Было уже где-то
около полуночи.
Тьма укрыла улочки
городишки старого,
тыщу лет без малого,
лежащего у гор,
ведущего здесь спор

за своё развитие,
знавшего события,
древней старины,
в долгой своей доле
видевшего горе
не одной войны.

Но в жизнь он верил свято,
шел год сорок девятый,
последнего столетия
в втором тысячелетии.

Но вот вдруг спохватившись,
и быстренько умывшись,
платице сняла,
и в постель легла.

При этом укрываясь,
чему-то улыбалась,
а потом зевнула,
и в момент уснула.

2

Крепок, сладок её сон.
А напротив окон склон,
длинный и пологий,
а за ним отроги
крутых, высоких гор,
где с давних-давних пор

легенды тихо бродят.
И часто там находят
следы былых времён.
И есть среди них клеймён,
«дьявольской дырою»,
под рваную горою,
старинный, мрачный замок.
Там в окнах нет уж рамок.
И рухнули ступени
за много поколений
А стены лишь руины,
полы замыты глиной.
Под толстым слоем пыли,
в молчании застыли
князей и богов лики.
И не играют блики
на шпилях главных башен.
Забыв, угрюм и страшен;
давным-давно заброшен,
веками запорошен
стоит и глух и нем
с призрением ко всем,
храня своё безделье.
За ним лежит ущелье
такое же глухое
без ручейка сухое

завалено камнями.
По этой дикой яме
с заката до рассвета,
в весну и в жарко лето,
в жилой, степной простор,
катятся ветры с гор.
И так оно годами:
на городок с садами
несут ночную свежесть,
в которой сладко нежась,
спят травы и леса,
скрывая чудеса;
спят взрослые и дети
и крепко спится Свете.

3

До полночи немножко.
В раскрытое окошко,
сбегая с ближней горки,
ласкает ветер шторы.
Луна глядит лимонно,
и в комнате всё сонно.
Спит кукла Светы: Оля,
портфель готовый к школе,
отложенная книжка,

в углу тряпичный мишка.
И рыбки, банка с кормом,
и туфельки и форма,
и лента для косы,
лишь ходики-часы
стучат: «Тик-так, тик-так»,
да медно, бледно так
отсвечивает пол,
и у окошка стол,
а рядом с ним в тиши
стоит большой кувшин,
под ним тетрадок стопка.
Вдруг ровно в полночь пробка
с глухим хлопком открылась,
над горлышком разлилось
облачко белесое,
мутною завесою
поплыло к кровати,
где Светлана сладко
только что уснула.
Обогнув два стула,
над нею поклубилось,
по простыням разлилось.
Так постояв немножко
в раскрытое окошко,
став совершенно бело,

тихонько улетело.
Луна за тучку скрылась,
тьма в комнате разлилась,
совсем там став густой.
Постель была пустой.

4

На утро, как обычно,
взялась мама привычно

на кухне за дела,
и Свету позвала,
окликнув прямо с кухни:
«Вставай, Светик, опухнешь».

Она ещё не знала,
что вечером читала
Света допоздна,
и потому она
немного рассердилась
на то, что не явилась
Света на зов сразу.
Варенье ложа в вазу,
ложкою стучала
сама себе ворчала:
«Нет, так совсем негоже;
и что-то не похоже

это на неё.

Эй, чадушко мое!»-

ещё раз позвала,

и будить пошла.

Когда же дверь открыла,

в молчании застыла,

глядя на кровать.

«Куда же убежать

она уже успела?

Какое ещё дело

с утра себе нашла?»

К окошку подошла

и выглянула в сад.

Каштанов аромат

приятно тронул нервы.

Жужжанье пчёлки первых

слышалось в тиши,

кругом же ни души.

Стоял полнейший штиль.

Урча, автомобиль

промчался в дали лихо,

и снова стало тихо.

Весна катилась к лету.

Ещё раз крикнув Свету,

немного постояла,

но видя толку мало,
и ничего не слыша,
во двор из дома вышла.

В железку побренчала
сердито проворчала:
«Ну что за прятки это,
пора уж кушать Света.
Всё давно налито».

И уж совсем сердито
добавила: «Ну знаешь,
так в школу опоздаешь».

Ворча: «Ну что задело», -
пошла на кухню, села
забыв про все заботы,
и то, что на работу
пора ей собираться,
решив теперь остаться,
пока не придёт Света.

А в сердце уже где-то
тревога появилась:

«И что же приключилось?
Куда, когда сбежала?

«Жуль Верна» где-то взяла
и вечер весь читала.

А вот когда же встала,
не помню, чтобы слышала,

несчастье с ней не вышло бы,
уж слишком она смела», -
думая, сидела
вся в тревоге мать:
«Что же предпринять?

Идти её искать?
А может подождать
пока отец придет?
Он в раз её найдёт.
Он всех подружек знает,
и где она бывает».

5 Времечко бежало,
солнышко сияло,
давно всё оживилось,
а Света не явилась.
Пришел отец со смены,
и сразу делом первым
в школе побывал,
что мог поразузнал;
подруг всех обошёл,
но Светы не нашёл:
как в землю провалилась;
что-то приключилось.
В милицию сходил,

на розыск заявил,
дав важную примету:
на мочке уха Светы,
ну точно посрединке,
как ягодка малинки
не крупна, не мала,
родинка была.

Расстроившись совсем,
пришёл домой ни с чем.
Мать в панику пустилась,
в истерике забилась.
Рекой полились слёзы.
Лекарства в сильных дозах
и те не помогали.
Утешить как, не знали,

бессильны все слова.
Гудела голова
как треснувшая дудка.
От мыслей всяких жутких
захватывало дух.
И покотился слух,
что девочка пропала.
Вся улица прознала!
И школу известили,
и в розыск заявили,

и день прошёл с тех пор.
Приехал сам майор,
за дело взявшись смело,
решительно умело.
Обследовал весь дом;
и комнату при том
он изучил особо:
взял отпечатки, пробы;
искал везде следы.
Не усмотрев беды,
он сделал заключение,
что в это воскресенье
она где-то гуляла,
а вечером читала
наверно допоздна;
и в комнате одна
была, уж это точно,
а утром видно срочно
куда-то убежала,
но ночь в постели спала.
И нет совсем сомненья,
что здесь не похищенье:
окошко в легкой пыли,
следы бы видны были,
и не было машин.
Но вот вопрос: «Кувшин?».

Он к тайне как сигнал,
о нем никто не знал.

6

В воскресенье это
поздно встала Света.
Долго отсыпалась,
а вставши, занималась
домашними делами:
помогала маме
стирать, варить, убратсья.
С обеда ж прогуляться
пошла к подружке Томе,
живущей в новом доме,
в пяти минутах хода
у старого завода.
Но той не оказалось,
и Света догадалась,
что Тома ушла к Оле;
с которой ещё в школе
они об одном деле
потолковать хотели,
а Света позабыла.
Идти к ней надо было
улицей Овражной,

где строй одноэтажных
стареньких домишек
среди глухих дворишек
тянулся вдоль окраины.
По ней везде навалены
мусорные кучи,
срезанные сучья
засохших яблонь, груш:
городская глушь
словом, да и только.
И на ней жил Колька,

отъявленный жиган-
местный хулиган.
Света это знала,
и не рисковала
ходить одна здесь прежде.
Так было, но теперь же
себя вдруг не узнала,
боязнь в ней вся пропала.
Сама чуть удивилась
и бежать пустилась,
чтоб подруг застать,
да снова не искать.

Прилично пробежавшись,
и чуть подзапыхавшись,
перешла на шаг
в том месте, где овраг
своим нижним краем
упирался в сваи
ветхого моста;
где под ним в кустах
ветвистой дикой сливы,
вечно говорливый,
холодный как кинжал,
ручеек бежал.
И скоро-скоро тут
буйно зацветут
трущобы дикой розы.
А пока что козы
щипали там росточки.
И на мягкой кочке
в руках с большою кружкой
пасла тех коз старушка.
И старушка эта
вдруг спросила Свету:

«Далеко ль бежишь?
К кому ж ты так спешишь?
Отдохни пока,

попей вот молочка».
И Света задержалась,
немного отдышалась,
молока попила
и старушке милой
на всё быстро ответила,
а впереди заметила,
что сидя на бревне
верхом, как на коне,
Колька ковырялся.
Рядышком валялся
его велосипед.
Навстречу дряхлый дед
с большой сумой тащился.
Колька покосился;
а потом вскочил,
и нож в забор вонзил,
издав гортанный вой.
На что дед головой
качнувши, усмехнулся,
тихонько повернулся,
опершись на сучок,
сказал лишь: «Дурачок!»
Немного постоявши,
поплелся молча дальше.
А Колька озадачился:

«Выходит зря артачился,
эффекта никакого».

И сев на брёвна снова,
стал дальше ковыряться.
Но только поравняться
Света с ним успела,
вновь бросил своё дело,

ей преградив дорогу.
Картинно ставя ногу,
и руки на бока,
с сопением быка
глазами покрутил,
потом вниз опустил;
потом взглянув в лицо,
сказал так с хитрецей:
«Куда летишь Голубка?
Что мокра твоя юбка?»
И тут попалась Света
на хитрость его эту.
Только вниз взглянула,
да юбку отряхнула,
чтоб свой задать вопрос,
как он её за нос
успел уж ухватить;
и больно стал крутить

ей голову по кругу,
и предложил услугу
назад препроводить;
а то, мол, будет бить,
сюда чтоб не ходила.
И хоть ей больно было,
она вдруг изловчилась,
зубами в кисть вцепилась,
обвившись словно спрут.
И грохнулся он тут,
издав истошный крик.
А тут ещё старик
к ним прытко подбежал,
и «Бей его», визжал:
«Надо проучить!»
Но чтоб их растащить,
за ворот ухватился.
А тот ужом крутился:
лягнуть его старался;
и ворот оборвался.
Колька изловчился,
на миг освободился,
поднялся на колени,
и взмыленный как в пене,
прочь побежал ничком.

А дед его сучком
вдогонку по спине:
«Чтоб долго помнил мне,
как младших обижать,
да стариков пужать,
и нашу встречу эту».
И отряхнувши Свету,
пожал её ручонку.
«Отважная девчонка!»-
добавил улыбаясь.
И тут же наклоняясь,
берёт свою суму,
и просит, чтоб ему
Света помогла;
мол, ноша тяжела.
И потом пошли вдвоем
по оврагу вверх, ручьём,
по крутой дорожке.
И пришли к сторожке
на опушке леса,
куда для интереса
Света приходила;
но не заходила,
так как заперта
была избёнка та.

Дом старик открыл,
на стол как мог, накрыл:

чай достал, поставил,
молочком разбавил,
со сливками творог,
и большой пирог.

Свету угощая,
себе лишь только чая
в кружку подливал,
да смачно попивал.

А Света пирог ела
и все вокруг смотрела.

Что-то необычное,
глазу непривычное
здесь происходило.

Странно видеть было
всюду чашки, банки,
и горшки и склянки.

Все эти сосуды,
травы, листьев груды,
что на полках вяли,
дом загромождали.

И кругом кипело,
пенилось, шипело,

булькало, парило,
набирало силу,
в зелье превращаясь,
ядом насыщаясь,
чтобы стать лекарством,
чтобы бить коварство
всех недугов, хворей:
гриппа, язв и кори.
Травы чтоб, коренья,
людям исцеленье,
силы приносили;
чтоб полезны были
просто для здоровья;
растекаясь с кровью,

старых молодили,
чтоб те долго жили;
малых укрепляли,
чтоб росли, гуляли;
чтоб все пили, ели,
чтобы не болели.

И спросила Света:

«Для кого всё это?»

Дед в глаза взглянул,
пододвинул стул,
снова чай долил,

и заговорил:

«Дорогая Света,
для людей всё это.

Так со злом воюю,
жизнь веду такую
со своей старухой.

Часто сильный духом,
слаб бывает телом.

Так что, этим делом
занялись мы с нею,
чтоб найти ту фею,
что здоровье дарит,
молодит – не старит.

Чтоб кто честен, скромн,
чист и благороден
мог вступать бы в бой
с нечистью любой.

Цель как будто ясная,
чтоб душа прекрасная
жила в крепком теле.

Но достичь сей цели
оказалось сложно.

Шли к ней осторожно,
жизнь всю проискали,
и уж стары стали,

много потрудились,
многого добились,
а чего хотели,
так и не успели.
Жили не тужили,
счастливыми были,
ссорились и спорили,
но одно усвоили:
чтоб достичь чего-то,
мало души взлёта,
цель увидеть зримо;
здесь необходимо
воспитать в себе,
нужные в борьбе,
а не для чудачества,
три важнейших качества.
Первое— решительность.
Не важна внушительность,
неважно проворство.
Во— вторых: упорство.
Ну а в-третьих: смелость.
И ещё б хотелось,
чтобы ты запомнила:
жизнь лишь только тем мила,
в ком царит участие
за чужое счастье.

Ты девчонка смелая,
и тебе хотел бы я
вот что подарить».
Тут он говорить
наконец закончил,
лоб сильней наморщил,
что-то вспоминая,
и ноги разминая,
после речи длинной,
пошёл, достал старинный

кувшин в резной оправе.
«Принять ты дочка в праве
подарок старика,
хоть ценность велика:
старинная работа,
чеканка, позолота,
и тонкая резьба,
но в нём твоя судьба!»-
закончил так вдруг он.
Затем, взглянув на склон
в раскрытое окошко,
задумался немножко,
и начал собираться.
«Ну, нам пора расстаться.
Мы засиделись слишком.

Ещё возьми вот книжку,
считай что подарил,
и то, что говорил,
запомни навсегда;
и пусть тогда беда
тебя посторонится,
но если что случится
негаданно в судьбе,
то будь верна себе».
И Света распростилась.
А как уж воротилась
рассказывать не буду,
но только было всюду
на улицах пустынно.
Хоть путь её был длинным,
и день ещё был светел,
ни кто там не заметил
как шла, как в дом вошла;
когда ж луна взошла,
она уже читала.
Об этом мать и знала.

ГЛ. 2

1

Солнце всё взбиралось выше,

сквозь соломенную крышу
заглянуть стремясь в сарайчик.
И весёлый рыжий зайчик
по косому лучу света
перебрался вдруг на Свету,
и потрогал ей ресницы.
Только в сене сладко спится.
Ну а солнце в щель смотрело,
веки зайчиком согрело,
от чего они открылись;
и глаза в них удивились,
видя крышу из соломы.
Света сладко от истомы
потянулась, затем села,
вдруг подумав: «Что за дело?
Это верно снится сон.
Но какой же странный он:
вижу всё как на Яву,
стены, крышу, двор, траву;
лишь не видно здесь людей».
А за стенкой из жердей
стоит пёстрая корова,
во дворе гуляет боров
и чумазенькие свинки;
рыльца, ножки, ушки, спинки
все в соломе и земле.

Тут же роются в золе
куры и большой петух.
Вдруг улавливает слух
вдалеке неясный гул,
будто где-то шквал подул
в широченную трубу,
то угу...у...у, то бу-бу-бу.
Света снова потянулась,
потом встала, отряхнулась
и, открыв сквозь щель запор,
вышла на широкий двор.
Во дворе: крестьянский, скромный,
с низкой крышей из соломы,
и обмазан белой глиной,
дом. А вдоль ограды длинной,
из камней и плитняка,
навалили сушняка.
А за домом виден сад,
в нём и сливы, виноград,
груши, яблони, орех,
Но не видно нигде тех,
кто всему тому хозяин.
Двор типичный для окраин
хуторов и сёл старинных.
Вдоль плетня, на тычках длинных,
сохли глиняные чашки.

Дверь же дома нараспашку.
И окошечко раскрыто.
А под ним с горшка разлита,
на дорожке простокваша.
Виден стол с большою чашей,
и как будто позабыто
не досеянное сито
с тёмной, грубою мукой.
Видно чей-то здесь покой
вероломно был нарушен.
Вдруг опять, но только глуше,
долетел до слуха шум,
и отвлёк её от дум.
Дом стоял здесь одиноко,
от лесочка не далёко.
И Светлана из ограды,
вдоль сараев, мимо сада,

пошла к лесу по бугру
продолжать свою игру
не то яви, не то сна,
туда где была слышна
непонятная возня:
стук колес и храп коня,
барабанов частый бой,
труб каких-то сиплый вой.

И чем ближе подходила,
тем понятнее ей было,
что народ весь видно там.
Света скрытно, по кустам,
поднялась на длинный склон.

«Нет. Конечно это сон», -
вновь подумала она.

С горки стала вдруг видна
ей знакомая уж крепость.

Но какая же нелепость!

Будто новая она:

без поломок вся стена,

и зубцы её все целы,

и сияют шпилей стрелы;

развиваются знамена,

в центре стройная колонна

золотым горит венцом;

и узоры налицо,

и ни чуть они не блёклы,

и цветные в окнах стёкла;

в башнях ровные бойницы,

в них повсюду стражей лица;

и всё чисто, всё прибрано.

А пред крепостью поляна,

как театр, и она

люда всякого полна.

Света щиплет себе нос,
мозг её, свербит вопрос:
«Сон?» А жаль, даже печально,
так всё выглядит реально.
Тут народ со всей округи:
толпа знати, сзади слуги;
по краям стоят рядами
высоченные, с усами,
все как будто на подбор,
с копий выстроив забор,
стражи местного владыки.
Их, как каменные, лики,
хранят битв былых следы.
А у крепости ряды
грозных всадников в кольчугах.
Рядом с ними, ближе к лугу,
барабанщиков отряд.
И трубят, трубят, трубят,
неустанно три горниста.
Перед ними поле чисто.
Ну а дальше вся поляна
как ковром цветным застлана,
от людских одежд, нарядов.
И заметить будет надо,

что в середине, как форпост,
возвышается помост.

На помосте том картинно
сам себе стоит детина;
толпу сверху озирает,
топором большим играет;
словно кровь его рубаха.

Перед ним чурбан – то плаха.

И верна его рука,
и сквозь прорези мешка
огоньком горят глаза,
их не трогала слеза.

Смотрит жадно, смотрит смело,
видно будет ему дело;
в нетерпении палач.

А в народе смех и плач,
восклицания и ропот.

Вдруг раздался конский топот.

Башня в замке отворилась,
и оттуда появилась
золочёная карета.

Из кусточков видит Света:
кто-то важный в ней сидит,
и в окошечко глядит
сквозь узорчатую сетку.
За каретой везут клетку.

В ней не лев, не даже мишка,
в ней в рванье сидит парнишка;
на руках и ногах цепи,
а по телу следы плети.
Видно парня не щадили,
на допросе крепко били.
Понапрасну иль за дело,
но покинет видно тело,
уже скоро, голова;
а останется молва:
всё народ попересудит,
только парня уж не будет.

3

Вдруг у Светы прямо сзади
здоровенный возник дядя;
грудь в доспехах, с палашом,
только ноги голышом.
Весь железом забренчал,
как на Свету закричал,
сделав грозный, злобный вид;
и секирой норовит

Свету вытолкнуть на поле.
Но нет чувства, нет и боли
от секиры остря.

«Так как сплю наверно я;
вижу это всё во сне,
потому не больно мне», -
про себя она решила,
и к народу поспешила.
А пока бежала Света,
золоченая карета
к центру поля подкатила;
применяя коней силу,
всю толпу порастолкала,
у помоста рядом встала.

4

Быстро стих народа гул.
На помост втащили стул,
расписной, резной, как трон;
на него уселся он:
тот владыка из кареты,
расфуфырен, разодетый,
в драгоценностях, в шелках,
с жезлом царственным в руках.
Рядом, весь в нарядах тоже,
встал плюгавенький вельможа
не то с папкой, не то с книжкой,
а потом ввели парнишку.
Трубы зычно протрубили,

люди разом все застыли,
а владыка лишь зевнул,
и вельможе чуть кивнул.
Тот же строг, напыщен был,
важно свой талмуд раскрыл,
кашлянул усердно раз,
громко стал читать указ:

«Всех собрали нынче тут,
чтоб свершить священный суд.
Перед вами здесь юнец.
Сей бродяга, сорванец
есть разбойник и отступник;
он опаснейший преступник!»
По толпе пронёсся гул.
«Он недавно посягнул
на сокровищницу предков,
но был схвачен, брошен в клетку.
И теперь, всем в назиданье,
должен несть он наказание.
Но он юн, и по законам,
данным нам владыкой трона,
любой может заступиться,
своей жизнью расплатиться
за свершённое деянье,
на себя взять наказание.

Есть такой кто, или нет?
Пять минут вам на ответ.
А пока мы ждём ответа,
пусть ответит: как на это
он осмелился пойти;
и уже проник почти
куда князь войти не смеет.
Что ответить он сумеет
на своё злодейство это?»
Тут подумала вдруг Света:
«А что если заступиться,
что со мной может случиться?
Всё равно ведь это сон,
зато он будет спасён».

5

Вдруг парнишка как очнулся,
распрявился, улыбнулся,

посмотрел на лес и дали,
и сбежала тень печали
с его бледного лица,
больно тронула сердца,
ущипнула людям души.
И слышали их уши
то, что он сказать хотел,

от чего сам князь вспотел.
Хоть в герои он не метил,
на вопрос он так ответил:
«Вы спросили – как посмел?
Люди, я для вас хотел
те сокровища достать,
чтобы вам их пораздать.
Не хватило только силы,
и конечно страшно было;
но напряг свою я волю,
чтобы вам облегчить долю;
чтоб не только короли,
все чтоб в счастье жить могли».

Он умолк и потупился.
Потом низко поклонился
и, казалось, снова сник.
Вдруг раздался громкий крик,
звонко взрезав тишину:
«Я возьму его вину!»
Вздрагнул, замер люд, а это
на помост вбежала Света.
«Я не дам его убить.
Нельзя голову рубить!
Нет беды в его вине;
отрубайте лучше мне!»
И вельможа содрогнулся,

потом к князю повернулся
и шепнул тихонько тут:
«Это будет уже бунт».

Но владыка был спокоен:
«Не дадим им жить обоим.
Сейчас ей, потом ему;
на себя я грех возьму».

6
Ну а Света уж без страха
кладет голову на плаху.
Барабанов грянул бой,
трубы начали свой вой.
Кое-где раздался плач.
Поднял вверх топор палач,
и немного торопясь,
он по детской шее хрясь.
В плаху лезвие вонзилось,
но как будто погрузилось
и прошло как сквозь туман,
никаких, не сделав ран.
Кат не понял. В самом деле,
на него, смеясь, смотрели
снизу детские глаза.
«Что ещё за чудеса?»-

палач тупо удивился.
Как-то весь засуетился,
даже скинул свой колпак,
растерялся видно так.
Еще раз мелькнул топор.
Вновь смеясь, глядят в упор
на него глаза девчонки.
И на шее в жилках тонких
бьется пульс, и кости целы.
Палач стал мгновенно белым,
дрожь пробила его тело,
важность в миг с него слетела,
глаза дико округлились,
страхом, ужасом налились,

и издав истошный вой,
с обнаженной головой,
пятясь, грохнулся с помоста.
Сей силач большого роста,
кого весь народ страшился,
соскочив, бежать пустился,
как напуганный олень.
И полезла страха тень
на людей неудержимо;
и уже промчался мимо
перекошенный вельможа;

и пустился за ним тоже,
опрокинув стул, владыка.
И оглохли вдруг от крика
поле, лес, и даже дали
эхом ужаса кричали.
Все, кто мог, бежать пустились,
и толкались, и давились,
прячась в замке и домах.
Охвативший ужас, страх,
вмиг очистил всю поляну.
И казалось как-то странным,
что один всё же остался,
хотя тоже испугался,
но не скрылся, не сбежал,
только чуточку дрожал.
Он ещё не знал, что с ним,
что здесь нужно им двоим,
что всё это не виденье,
что пришло к нему спасенье,
что не мёртвый он – живой,
цел, здоров и с головой.

7

Встав с колен и отряхнувшись,
и к парнишке повернувшись,

улыбнулась Света мило,
подошла к нему, спросила:
«Как зовут тебя дружище?
Ты из знатных, или нищий?
По твоей судить одежде,
так ты вроде принц был прежде;
ну а то, что с нею стало,
говорит, что уж не мало
ты прошел дорог бедняга,
что под ней не принц – бродяга!»
От её слов встрепенувшись,
и от шока чуть очнувшись,
он уселся, где стоял,
и послушный вид принял;
но глядел ещё со страхом
то на Свету, то на плаху.
Говорить пока не мог,
только гладил раны ног;
видно было им не сладко
от оков железной хватки.
Делать что-то было надо,
и усевшись с ним там рядом,
ему Света назвалась,
успокаивать взялась.

Просидев, не знаю сколько,
удалось узнать ей только,
что парнишку зовут Грюн,
что не так уж он и юн,
как ей сразу показалось,
и, наверное, досталось
ему бед уже не мало.

Она позже разузнала,
что терпел он их напрасно;
но он выглядел прекрасно,

и в семнадцать лет почти
за мальчишку мог сойти.

Посидев с ним, осмотрелась,
и ей очень захотелось
с этим местом распротиться,
а то может появиться,
вдруг опомнившись, здесь стража;
и задуманная кража,
с казни юного страдальца,
из далёких мест скитальца,
уже будет не возможна.

И поднявшись осторожно,
помост Света обошла,
ключ, печать, указ нашла;
ключ взяла и печать тоже,

их, наверное, вельможа,
убегая, обронил.

Ключ как раз ей нужен был
от кандалного замка.

То везенье, а пока
Грюн свыкался мало – мало,
Света цепи снимала,
потом за руку взяла,
и от туда повела.

Так пошли они вдвоем
через лес, потом ручьём,
удаляясь в лес от бед,
оставляя один след
кое-где на мокрой глине.

А за ними по лощине
незаметно пошёл дед,
и разглядывал тот след,
он не видел следов Светы.

Обстоятельство же это
его видимо смущало,
и он сзади шёл сначала,

потом в бок на склон поднялся,
след и там не отыскался;
затем вниз сошёл к воде,
следа не было нигде.

А пока те держат путь,
отвлечёмся на чуть-чуть:
здесь наверно в самый раз
о парнишке дать рассказ.

ГЛ. 3

1

Грюн из знатного был рода,
но не здешнего народа,
а из северных краёв,
и там княжестве своём
жил он жизнью беззаботной:
развлекался, кушал плотно,
бед и голода не зная,
что вокруг есть жизнь другая,
стоит только удалиться,
в мир крестьянский погрузиться,
то увидишь нищету,
неизвестную жизнь ту,
костей весь народ живёт,
что для них она не мёд;
сладко ж лишь живут князья.
Но однажды там, друзья,
появился странный дед:
с виду вроде много лет,

но глаза вот – молодые,
руки ж – старые, худые;
и в ногах давно нет прыти,
и волос седые нити
в жидких прядях заплелись;
и усердно уж взялись

рушить тело разны хвори.
Только с ними видно в ссоре,
сколько помнит себя, был,
так как жизнь тот дед любил.
А ещё любил цветы.
Этих детищ красоты
знал он тысячу названий:
для души, и для желаний,
от болезней и от бед,
знал цветов все тайны дед.
Знал уход, посадок срок,
как подкормку сделать впрок,
где сажать их, в какой почве,
как полить, рыхлить и прочее.
В общем мастером был тут,
и любил свой этот труд,
вообще в земле возиться.
И он смог определиться
там садовником при доме.

И ещё считалось в норме,
что он нянькой во дворе
должен быть всей детворе.
И для Грюна стал он другом
не в пример дворовым слугам.
Дед мальчишке полюбился,
потому и очутился
скоро в милости господ,
да и весь простой народ
на него не ведал зла,
но с ним тайна в дом вошла.

2

Незаметно, день за днём,
в тайном замысле своём,
отступаясь, затем вновь,
состраданье и любовь

ко всем бедным, честным людям
стал воспитывать он в Грюне,
чтоб жалел тот, свой народ.
Незаметно для господ
старик делал своё дело,
и парнишка вырос смелым,
понимая, что к чуму;
но как дальше жить ему,

он ответ найти не мог,
только случай вдруг помог.
Лето жарким, знойным было,
солнце всё испепелило,
урожай погиб в тот год,
голод страшный, ждал народ.
Где и так была нужда,
навалилась вдруг беда:
нечего в оброк то сдать.
И людей чтоб запугать,
чтоб собрать оброк весь в раз,
князь такой даёт указ:
«Кто не сдаст сполна и в срок
установленный оброк,
кто надумает скрывать,
тех схватить, четвертовать».
И ещё для устрашенья,
велит строить сооружение,
где вершиться будут казни,
смерти лютой жуткий праздник,
где, как символ власти страха
возвышаться будет плаха.
Но, по-видимому, князь,
людской смерти, с жизнью связь,
во всей сути не постиг,
цели этим не достиг.

Запугать, как не пытался,
все ж богатств не досчитался.

И по истеченье срока,
вновь он сборщиков оброка,
посылает по всем сёлам.
А по лицам невесёлым,
даже верных своих слуг,
князь надменный понял вдруг,
что вершит несправедливость;
проявить же к людям милость,
все же он не смог решиться,
и подумал: «Пусть свершится,
что положил здесь им бог».
Он своё терять не мог.

3

Не прошло ещё и дня,
а по сёлам, деревням
прокатилось уж известье,
что доставлен был в поместье
недоимщик дед Лука;
у него нашлась мука,
хоть оброк был сдан не весь.
И промчалась следом весть,
что казнят уж утром вроде,

да при всём честном народе,
показать чтоб людям власть.

И на утро собралась
люда всякого толпа,
у помоста и столба,
где уж был привязан дед.
Он стоял, угрюм и сед,
в никуда казалось глядя,
не вникая, чего ради
собирается здесь люд,
что сейчас свершится суд,
чем страшна его вина,
и что жизнь всего одна,

что ему в ней места нет,
что, проживши столько лет,
заклеймён вдруг званьем вора.

Он не чувствовал позора,
не надеялся на милость -
знать была необходимость,
чтоб сокрыть муку посметь,
просто, чтоб не помереть.

Дед конечно понимал:
если б всё в оброк он сдал,
до весны б уже не дожил,
с голодухи б кости сложил.

А раз скрыть не получилось,
зачем ждать от князя милость.
Так он думал, рассуждал,
а народ стоял и ждал.
Но вот прибыли сюда
исполнители суда,
и взялись вершить свой суд.
Но потом свершилось тут,
то, чего сам князь не ждал:
в толпе кто-то зарыдал,
зачитали приговор,
дед в нем признан был как вор,
и верёвки привязали,
и уже команду дали,
и коней было хлестнули,
те – верёвки натянули,
разорвать чтоб старика,
но тут твёрдая рука
за узду коня схватила,
казнь на этом прекратила.
И узнали все вдруг Грюна.
На лице красивом, юном
и решительность и гнев.
Таким образом, посмеив

отменить отца указ,

на себя навлёк он в раз
все пришедшие вслед беды.
Защитив от казни деда,
не учёл он нрав отца,
и с высокого крыльца
тот разгневанный велел,
чтобы Грюн уже не смел
в дом являться до тех пор,
пока жизнь не выбьет сор
из его дурной башки:
видно тут его дружки
– эти все простолюдины,
в совершённом им, повинны.
И решил: «Пусть хвати горя,
чтоб потом в семейном споре
проще было доказать,
что лишь золото и власть,
исполняют все желанья.
А лишь страхом наказанья
власть и держат над народом.
И не видывал он с роду,
чтобы сын отцу перечил;
пусть мытарство в нем излечит
этот, жалости, недуг.
Пусть поймёт, где место слуг
в этой жизни, навсегда;

в чём их роль, и вот тогда
может быть, его простит».
А теперь же князь велит
гнать его из дома прочь,
не желая и помочь
ни деньгами не едой,
чтобы встретился с бедой,
и один лишь на один,
этот добрый господин.

4

Так случиться было ссоре,
и понявши Грюна горе,
провожённого шпаной,
затворились за спиной,
тяжело вздохнув, ворота.
А от ближнего сворота
по дороге шёл садовник.
И несчастный наш виновник
к нему кинулся навстречу,
с торопливой, страстной речью:
«Ну ответь ты мне мудрец,
где людской беде конец?
Столько слёз народа льётся,
что ж к ним бог не повернётся?
Почему одни в беде,

вечно в каторжном труде,
а другие живут праздно,
время тратят безобразно,
и живут в богатстве, сладко
и нисколько им не гадко
быть людскими палачами,
хоть боятся смерти сами.
Может, бедность виновата?
Может если б все богато
жили б, то ушла беда?
И среди б людей тогда,
был бы мир и справедливость.
Где же всё же божья милость?
Может, есть к другим народам,
о каких не слышал с роду.
Может в странах дальних где-то,
на краю мирского света?
Может, есть туда дорога?
Подскажи мне ради Бога.
Я пойду и погляжу,
а вернувшись, расскажу,
как построить счастье людям,
где мы все, как братья будем».
Дед послушал эту речь,
снял кафтан, потёртый, с плеч,
постелил и, крякнув, сел,

вдаль дороги посмотрел,
и в ответ заговорил:
«Да, друг, дел ты натворил.
Ты теперь, дружок, ответчик,
и тебе я не советчик.
Я ведь сам найти пытался
в том ответ, и проскитался
смолоду до этих лет:
обошёл почти весь свет,
повидал, узнал всего,
жизнь прошла, а на него
я не смог найти ответ.
Но открыть могу секрет!»
И вздохнув, собравши дух,
говорит: «Есть в мире слух
о сокровищах несметных,
о подходах к ним заветных,
и, что если б их раздать,
все б смогли богаты стать.
Слух тот ходит с давних пор:
в южном княжестве, у гор,
та сокровищница предков.
На двери чугунной метка
в виде шара в лучах света,
но сокровищница эта,
скрыта тайной много лет:

входа людям в неё нет.
Хоть и дверь там без замка,
и прошли уже века,
но войти никто не смог,
видно, вправе, только бог
за её вступить порог.
Не для грязных людских ног,
созданы, подземны залы.
И правители там стали,
не сумев того понять,
вход ревниво охранять.
И лежат богатства эти
не одно тысячелетье,
хотя ясно посему,
пользы нет в том, никому».
Тут умолк дед, наконец,
а отважный наш юнец
в путь решается идти,
чтоб сокровища найти
Чтоб уменьшить сказа груду,
я рассказывать не буду,
где он был, и, как он шёл,
как секретный вход нашёл,
как его при том схватили,
ну, а, как потом судили,
и, как смерти избежал –

я уже рассказ держал.

ГЛ. 4

1

По пологому распадку,
как играя с солнцем в прятки,
ручеек бежал, струился.
Вот он в кочках мшистых скрылся,
вот скакнув через валун,
как резвящийся шалун,
быстро юркнул под кусты,
и среди стеблей густых
переливисто смеётся.
Но вот снова плавно льётся
по поляночке открытой
и прижавшись к тропке сбитой,
с нею будто бы с сестренкой,
обежав бугор сторонкой,
дружно вместе держат путь.
Отдохнув, однако, чуть,
вновь, резвясь, ныряет в чащу
и с собой играя, тащит,
золотистые песчинки,
как подарочки тропинки,
прошуршавшие как мышки,

из под ног босых парнишки,
что идёт по тропке смело,
и его побито тело,
гладит свежесть сквозь отрепья.

А вокруг, в великолепье
изумрудный стоит лес.

И лазурный свет с небес
пробивается сквозь кроны
в это царство таинств полно,
чуть завесу открывая,
силы в рай земной вливая,
насыщает красотой.

И, казалось бы простой,
и обычный этот лес,
стаёт домом для чудес
творя миру чудо сказки,
в очень ярких, живых красках,
обрамленных миром звуков.

И неведома здесь скука,
и царит лишь упоенье,
и внимаешь с наслажденьем
песню тайных, вещей струн.

«Посмотри» – сказал вдруг Грюн,
повернувшись быстро к Свете,
в стороне тропы заметив,
скрытый чашей чей-то дом.

«Может, быть, давай зайдём,

что-нибудь поесть попросим,
куда, как пройти, расспросим.
Может, слух о нас здесь не был,
я б быка, наверно, съел бы,
так сосёт, пищит внутри» -
и добавил: «Посмотри,
там, однако, топят печь.
Кто нас будет здесь стеречь?
Не должна здесь ждать беда».

И они идут туда.

Приближаться только стали,
псы под домом зарычали;
а лишь в двери Грюн толкнулся,
резко вздрогнув, обернулся.

За спиною вырос дед,
он разглядывал их след,
чуть ли не у самых ног.
Пальцем, трогая песок,
поцарапал, подавил,
прутик взял и разрыхлил,
распрямылся и потом
говорит: «Прошу вас в дом.
Проходите, не закрыто».
И прикрикнувши сердито,

на залаявших собак,
подаёт ребятам знак,
чтобы, смело проходили.
Но они словно застыли,
и стояли у дверей.
«Ну, ребятушки, шустрой» -
подтолкнул, тогда старик -
«Я к такому не привык.
Проходите, не стесняйтесь,
за столом располагайтесь,
за обедом посидим,
всё обсудим, поедим,

отдохнёте тут с дороги,
не топчитесь на пороге».

2

Света с Грюном входят в дом.
Там, как в сумраке густом,
у огромнейшей печи,
где томились калачи,
видят шуструю старушку;
а готовые ватрушки,
уже стыли на столе.
На плите ж печи, в котле,
кипел булькая отвар,

испуская белый пар,
и душистый аромат.
У не кушавших ребят,
всё нутро заговорило.
Бабка жестом пригласила
проходить к столу, садиться,
продолжая суетиться,
вокруг множества горшков,
подсыпая порошков,
иль засушенных листочков,
иль корней сухих кусочков.
Но вот вскоре стол накрыт,
ароматный чай налит,
и за царственным обедом,
объяснилась Света с дедом:
рассказала всё, как было,
лишь одно сказать забыла,
что всё это просто сон.
И, что дом, и Грюн и он,
ей всего лишь только сняться,
и поэтому бояться
ей не нужно ничего.
И оставить одного

Грюна здесь в беде не может,
и в чём сможет, в том поможет.

Дед, слушая внимательно,
ухаживал старательно,
чай пил и всё молчал.

В конце же покачал
в раздумье головою:
«Да, дело жизни стоит.

И будет здесь уместно
сказать, что мне известно
об этой давней тайне».

И начал: «В детстве раннем
уж много лет назад
узнал, что есть тут клад
от деда своего.

И то, что взять его,
казалось бы не сложно,
однако не возможно.

Закрыт он в подземелье
с какой, не знаю, целью
за тремя дверями.

И судите сами,
хоть двери без замков,
но много уж веков
ни один правитель,
ни вор, ни просто житель

открыть их не сумел.
Есть в тайне той пробел.
И говорил мой дед,
что мог пролить бы свет
на тайну сего клада.
Для этого лишь надо
ещё лет сто прожить.
Но этому не быть:

в нём нет уж нужных сил.
Однако ж попросил:
«Хоть дело это сложно,
но справиться с ним можно,
а тайны груз замучит,
и если будет случай,
содействуй всем тем людям,
которые вновь будут
пытаться вскрыть секрет».
«И я вам дам совет»,
—взглянувши на них строго,
подумал дед немного,
как груз, снимая с плеч,
продолжил свою речь:
«От вас друзья, не скрою,
что двери тот откроет,
кто обладает качеством,

секретно обозначенным
значком в углу двери,
а знак тот изнутри.
К тому же третью дверь
там охраняет зверь,
чудовище ужасное,
для всех людей, опасное.
И вот, что интересно,
но стало вдруг известно,
что знаки на дверях,
на верхних их углах,
различны, не похожи.
Но верил дед мой всё же,
что рано или поздно
постигнуть тайну можно.
Так вот, скажу ребята,
задуманное свято:
сокровища достать,
и людям их отдать.

Но, чтоб того добиться,
придется потрудиться,
впрягайтесь в это дело,
решительно и смело.
Друг друга не бросайте,
и всюду выручайте,

упорно лезьте к цели,
ведь вы уже успели
о многом разузнать.
Но князь и его знать,
о том должны не ведать,
вы ж клятву должны мне дать,
и я вам тоже дам,
что всё то, только нам,
останется известно.
Теперь будет уместно
закончить нашу встречу,
уже дело под вечер,
и вам надо идти.
Счастливого пути».

4

Распростившись с дедом,
довольные обедом,
пошли вновь Грюн и Света
опять искать ответы
на новые вопросы.
И трижды уже росы
их ноги омывали,
но так и не узнали,
где ключ от той разгадки.
А путь держать не гладкий

им часто приходилось.

И много находилось
людей, что были б рады,
за деньги той награды,

что князь за них сулил,
потратить много сил,
чтоб ими завладеть,
в оковы чтоб одеть,
и к князю их доставить.

Не мог теперь тот править
спокойно своим царством.

Свершённые коварства
девчонкой и юнцом,
могли там стать концом
его железной власти.

И бунты, и напасти
нахлынут чередой,
и кончится бедой.

Судьба ж им улыбалась,
и как-то удавалось,
бродя меж поселений,
им избежать пленений.

Так в странствиях, в расспросах,
искателя два босых,
лесами и меж гор,

бродили б до тех пор,
пока б всё ж не попались.

Но как-то оказались
они в одном распадке,
и что-то сердце сладко
у Светы защемило,
и душу вдруг залило
приятное тепло,
и тихо повлекло
куда-то в низ, на юг.

А тело взяла вдруг
усталость и истома.

Здесь местность ей знакома.

Хотя всё это снилось,
но только приходилось

ходить ей здесь самой.

Домой, домой, домой,
в груди вдруг застучало.

И чуть ли не вскричала
от новой мысли Света:
ручей и тропка эта
бегут от дома деда,
что с ней провел беседу,
как управлять судьбой,
чтоб разойтись с бедой.

Он жил там, у вершин,
и подарил кувшин,
и книжку. А потом
она, пред этим сном,
до полночи не спала,
ту книжку всё читала.
Тот дед её учил...
Грюн сзади наскочил,
так резко она встала.
В висках её стучало.
В сознании витает:
ведь знает она, знает,
разгадку этой тайны!
Конечно, не случайно
была с тем дедом встреча.
И распрямивши плечи,
забывши про усталость,
она так рассмеялась,
что сей девчонки смех
заставил пташек всех,
притихнув, замолчать;
аж перестал стучать
усердный дятел в шишку,
а юного парнишку
поверг в недоуменье.
Но Света, в нетерпенье,

вдруг радостно сказала,
что тайну разгадала.
Чтоб дело делать дружно,
ему знать тоже нужно,
и чтоб он смог понять,
взялась всё разъяснять.

5

Тропинками и лесом,
с их тайным интересом,
минуя западни,
вернулись вновь они
в окрестность замка скоро.
Уйдя немного в гору,
пещерку отыскали,
мха, веток натаскали,
и поселились там,
доверившись кустам,
что вход в неё скрывали.
Обдумывать всё стали.
Открыть секрет столетий
ещё был нужен третий.
Для этой важной цели
они найти хотели
того, кто в замок вхож.

Таких не зная, всё ж
надеясь на удачу,
поставили задачу,
привлечь хотя бы пекаря,
иль дворника, иль лекаря,
а если выйдет, даже
кого-нибудь из стражи.

И начали они
все вечера и дни
у замка в деревушке,
как будто дед с старушкой,

гулять перенаряжены.
Подслушивали в скважины,
подсматривали в щели,
всё отыскать хотели
того, кто в речи смел,
кто князя не терпел.
Когда шёл третий день,
и уж упала тень
стрелою на восток,
под топот конских ног,
дорогою от замка,
по рытвинам и ямкам
стуча, ползла карета.
Шагов за сотню где-то,

отстав, верхами двое.
Бранясь между собою,
друг друга потакали
и, не спеша, скакали.
Один не молодой,
немного уж седой,
другой совсем юнец,
но видный молодец.
Тот старший в странной шляпке,
второй совсем без шапки.
Ворча и громко споря,
они нагнали вскоре
старуху с стариком.
И угостив пинком,
за неуклюжесть деда,
за пылкую беседой
степенно укатали.
И понял Грюн, кто были
проехавшие эти.
И подсказал он Свете,
что князя сын – парнишка.
А тот, что в шляпке, с книжкой,

наставник и учитель,
назойливый мучитель,
как первый звал его.

Но тут важней всего
о чём их речь была.
И богу в том хвала,
услышать Грюну с Светой
кусочек речи этой.
Твердил упорно Гвази,
так звали сына князя,
что здешние порядки
мерзостны и гадки;
и если б правил он,
другим бы был закон,
и меньше б было бед.
А Света долго вслед
их взглядом провожала.
Потом же вдруг сказала:
«Пускай сегодня мимо,
но мне необходимо
вновь повстречать его,
и лучше одного».
Ещё пройдя немного
обочиной дороги,
и как быть дальше взвесив,
пошли тихонько к лесу.
С ручья воды начерпав,
назад пришли в пещерку.
Там сидя у костра,

решали до утра,
с чего и как начать,
чтоб снова повстречать
им молодого князя.
Теперь лишь только Гвази,
для достиженья цели,
они привлечь хотели.

Всё думали и спорили,
и чуть ли не повздорили,
как в замок им попасть,
да так, чтоб не пропасть.
Уж утро наступило,
когда Света решила,
пойти к Гвази одна,
и в том права она.
Назначив Грюну встречу
в пещерке в третий вечер,
велит к её приходу,
для дела, у народа
добыть там в деревеньках
провизии маленько,
и воск свечной иль сало.
А также наказала
ещё достать она
снотворного вина.

Сказав друг другу: «С богом»,
отправились в дорогу.

6

Выполнять все порученья,
Грюн отправился вселенье,
что лежало под горой.
Этой утренней порой
на дороге было пусто,
лишь с боков стояли густо,
как зелёная стена,
липы, ясень, бузина.
Солнце ласково светило,
и идти приятно было
в ещё утренней прохладе.
Неожиданно вдруг, сзади,
он услышал легкий вскрик.
Повернувшись в тот же миг,

сквозь кусты за поворотом,
в расстоянии полёта
средней тяжести стрелы,
у подножия скалы,
разглядел десяток пеших,
меж собой в оковах ведших,
всю в лохмотьях, молодуху.

Вскрик её, до его уха
долетел, когда солдат,
хлестнув плетью наугад,
до крови рассёк ей шею.
Юркнув в заросли скорее,
Грюн укрылся за листвой,
погрузившись с головой,
в росой смоченный ковёр,
и как битый ловкий вор,
затаился лежа там.

А когда конвой к кустам,
где запрятался парнишка,
подошел совсем уж близко,
когда слышно уже стало
бряцанье оков металла,
услыхал Грюн и их речь.

Один страж твердил, что сжечь
её нужно на закате,
а иначе сил не хватит
совладать с ней и огню.

«Нет,»-твердил другой– «к коню
прицепить её за ноги,
и таскать по всей дороге,
пока в пыль не изотрётся».
«Нет, верёвка оборвётся».-
третий тут же возразил.

«Я б каменьев нагрузил
в чан большой из под бурды,
и налив туда воды,

на неё затем поставил,
и охранников приставил,
чтоб лежала на виду.
А сгорев, она в аду
быстро с чёртом сговорится,
и обратно возвратится;
зельем сильным всех потравит,
к бесам в ад на пир отправит».

7

Понял Грюн: она колдунья,
и затем лежал в раздумье
ещё долго там в кустах,
и смекнул, что в тех местах,
где жила та молодуха,
должна жить ещё старуха,
что всему её учила,
так как эта ещё была,
для колдуньи, молода;
и ему нужно тогда
ту бы бабку отыскать,
шанс такой не упускать,

а использовать сполна,
и добыть там сон вина.
Встав и выйдя на дорогу,
обратившись в душе к богу,
и отбросив все сомненья,
пошёл в верхнее селенье.
Там у местных ребятишек,
из окраинных домишек,
он узнал о той старухе,
и что ходят уже слухи,
о поимке молодой,
и что кончится бедой
это дело, не иначе,
так как все обычно плачут,

кто обиду им нанёс:
проливая море слёз,
в труде бьются бесполезном,
нет спасенья от болезней,
долго недугом страдают,
или просто погибают.

8

Сам всё думая про Свету,
Грюн нашёл колдунью эту
на окраине села.

Там она жила – была
в совсем ветхой развалюхе,
так под стать самой старухе:
скаты крыши провалились,
стены все перекошились,
окна – чёрные провалы,
изгородь вокруг упала,
все столбы давно погнили,
и казалось, что не жили
в этом доме лет уж сто,
вид ужасный, но зато
эту мрачную картину
оживлял густой дымина
с наклонившейся трубы;
и стояли у избы
на завалинке горшочки,
в них уже цвели цветочки
очень редкой красоты.
В огороде же кусты
лопуха лишь и крапивы.
Постучав сперва учтиво,
Грюн вошёл довольно смело.
Дверь зловеще проскрипела,
и впустила его в дом.
В полу мраке, за столом,

что-то трущую в горшочке,
и угрюмей тёмной ночки,
разглядел саму хозяйку.
Та, мышей летучих стайку
отпугнула кривой тростью,
проходить кивнула гостю.
И отложив тут же дело,
недовольно прохрипела:
«С чем пожаловал дружище?
Может, не меня ты ищешь,
и ошибся ты избой,
может, нужен кто другой?»
«Нет».— ответил Грюн колдунье,
и замешкался в раздумье.
как попроще объяснить,
чтоб и тайну не раскрыть,
и добыть чего хотел.
Но, однако, не успел
рот вторично он открыть,
проявив лихую прыть,
бабка ловко подскочила,
его ухо ухватила.
«Вижу с замыслом ты скрытым.
Говори лучше открыто,
не пытайся обмануть».
И взялась ухо тянуть

так, что Грюн аж осерчал,
и на ведьму заворчал:
«Отпусти! Скрывать не стану,
не прибегну я к обману,
расскажу, как оно есть,
пригласи-ка лучше сесть».
Ухо бабка отпустила,
и на лавку усадила,
приготовилась к рассказу,
не спуская с Грюна глазу.

А когда тот рот рассказал,
со стола взяла бокал,
лишь глоточек отпила,
и такой ответ дала:
«Всё понятно теперь мне,
на твоей я стороне.
Дело делать нужно дружно,
всё я дам тебе что нужно,
но сначала ты пойди,
внучку мне освободи.
Только так и не иначе».
Грюна этим озадачив,
проводила гостя вон.
И пошёл обратно он
грустен и сосредоточен,

новым делом озабочен.

9

Нужно было торопиться,
чтоб с предгорья вниз спуститься,
чтобы если не догнать,
то хотя б не опоздать:
до расправы чтоб прийти,
чтоб успеть ещё найти
способ вызволить Зулак,
внучку ведьмы звали так.
Как то сделать, он не знал,
и поэтому бежал
всю дорогу Грюн бегом,
а что делалось кругом,
он почти не замечал,
и лишь только повстречав,
на дороге двух бродяг,
перешёл на быстрый шаг.
День уж к вечеру клонился,
когда Грюн вновь очутился

в поселении у замка,
что в лощине, словно в ямке,
приютилось возле гор.
Грюн, как битый, ловкий вор,

шёл по улице беспечно.
Так казалось лишь конечно,
а на самом деле он
примечал всё, как шпион.
По селенью ползли слухи:
там шептались две старухи,
тут галдела детвора
у раскрытого двора,
у колодца три девицы,
набирая в бак водицы,
все твердили об одном,
что был найден ведьмы дом.
Только ведьму не поймали,
а лишь внучку там застали,
с нею справиться смогли,
и в оковах привели.
Шли пешком и притомились,
и сейчас расположились
на ночлег у кабака,
чтоб поужинать слегка,
выпить чарку, отдохнуть,
а уж утром к замку в путь.
Хоть и близенько осталось,
только стража опасалась,
что застанет темнота,
что злодейка неспроста

всё на солнышко косилась,
а оно уж опустилось
за густой высокий лес,
и с небес на землю слез
сумрак с легкою прохладой.
И решили стражи: надо

им теперь поостеречься,
чтоб ещё раз не обжечься
о нечистого дела.

Как ни как она была
хоть и юна, всё же ведьма.

И в народе всяки бредни
о деянье этих дам,
неспроста, то здесь-то там
появлялись раз за разом,
ожидая порчи, сглаза,
привороты, прочих бед,
уже много-много лет.

Грюн направился в кабак,
разузнать, что там с Зулак;
оценить всю обстановку,
проявив притом сноровку,
сел за стол в углу, за печь,
чтоб вниманье не привлечь,
но чтоб видеть в окно двор.

Со стола смахнувши сор,
заказал Грюн кружку браги,
и набравшись вдруг отваги,
стал расспрашивать соседа.
Тот сидел там аж с обеда,
и изрядненько был пьян;
браги выпитой дурман
развязал его язык,
и как видно не привык
он и сдерживать себя,
потому болтал грубя
и ругаясь неустанно.
Только Грюну, как не странно,
это нравилось уж очень.
От него узнал Грюн впрочем,
что когда тут стражи пили,
меж собою говорили:

будут ночку до утра,
там, у заднего двора,
ведьму зорко охранять
человек они по пять;
и меняться через час,
не сводя с плутовки глаз;
жечь среди двора костёр,
чтобы был в свету весь двор.

Выйдя Грюн из кабака,
стал осматривать пока,
где и что, зачем и как;
и увидел, что Зулак,
где кончается забор,
как бандюга или вор,
с свежей раною на лбу,
прикручённая к столбу,
толстой, грубою верёвкой,
в позе сгорбленной, неловкой,
на узлы обвиснув, вяло,
глядя под ноги, стояла.
Перед ней костёр пылал.
Грюн за угол тихо встал,
стал за стражей наблюдать.
Те ж, сложив себе кровать
из соломы у стены,
спать свалились смотреть сны.
Только пятеро сидели,
на Зулак, ворча, глядели.
От двора, немного в гору,
вся в камнях и полна сору,
извиваясь, в такт дороге,
из домишечек убогих,
сонно, улица тянулась.
Вдруг, Зулак чуть встрепенулась,

подняла усталый взор,
и окинула им двор;

и заметила притом,
как парнишка за углом
подавал ей тайный знак.

Её, раньше, бабка так,
быть внимательней, просила,
когда мудрости учила:
чтобы быть настороже.

И Зулак теперь уже
поняла, что он помочь
ей пришёл, и ждёт лишь ночь.

И в ответ она моргнула,
взор вновь к стражам обернула,
с ноги на ногу помялась,
тихо-тихо засмеялась,
прядь верёвки, сжав в зубах.

И на стражей пополз страх,
души их похолодели:
а вдруг раз, на самом деле,
ей на путы наплевать,
в них возьмётся колдовать.

Грюн ушёл тихонько прочь.
На село спускалась ночь.
Может, кто уж видит сны.

В небе не было луны,
что для Грюна было кстати:
пусть все нежатся в кроватях,
ну а он, что делать, знал,
быстро шёл и вспоминал,
где и что он видел здесь,
как ему за тем залезть,
и добыть то, не попавшись.
Между тем, уж оказавшись
на окраине села,
там, где улица брала
от горы своё начало,
где вода ручья журчала,

и стеной вздымался лес,
под оградою пролез,
через ямку земляную,
и ушёл во тьму ночную.

10

Вся в думах, прячась мало,
по склону вниз шагала,
расставшись с Грюном Света.
Вокруг пылало лето.
Росою вся помытая,
травы ковром укрытая,

наряжена цветами,
кудрявыми кустами,
деревьями пушистыми,
распадочками мшистыми,
вся в изумрудной зелени
с боков и сзади, спереди,
докуда глаз хватало,
вокруг Светы лежала
чудесная земля.

А солнышко паля
из бездны голубой,
звало играть с собой
ручей, ловя лучами,
что выскочив случайно
из чащи на лужок,
там заполнял кружок
лесного озерка,
погревшись в нём слегка,
он снова убегал
в глухой, лесной провал.

И вот, с полянки этой,
за лесом, видит Света,
как ярко ясным днём,
омытые дождём

от серой, знойной пыли,

блеснули замка шпили.
Деревьев выше всех,
тянулись они верх,
стремясь, ну хоть слегка,
потрогать облака.

Взяв чуточку левее,
пошла Света быстрее.

Уже не далеко.

Идти было легко:
деревья расступались,
кустарники остались,
чуть выше, позади,
а прямо впереди
шёл спуск уже полого,
и наконец, дорога
в просвете появилась.

Она по лесу вилась,
как длинная змея,
и только у ручья
петлять переставала,
и дальше убегала
опушкой вдоль кустов,
пересекала ров,
и сделав поворот,
кончалась у ворот.

Не выходя к дороге,
и вытянувши ноги,
уселась Света ждать:
вдруг повезёт, как знать,
и подвернётся случай,
пусть даже и не лучший,
но что поможет ей
в затее этой всей

-проникнуть в замок князя
и встретиться там с Гвази.

Прошло людей не мало,
но Света всё не знала
как подступиться к делу,
и всё ещё сидела
в укрытии своём.

Вот только что вдвоём
Бревёшко, как быки,
тащили мужики
верёвкой пеньковой,
а на карете новой
их обогнал вельможа.
Тележку козьей кожи
старик, кряхтя, толкал.
Вот всадник проскакал,

а времечко летело.

Вдруг, слышит, заскрипела
тяжелая арба.

«Вот шанс даёт судьба»,
—мелькнуло в мыслях Светы:

«Не надо мне кареты,
чтоб мчаться в лёгком беге,
поедем на телеге».

Арба уж подъезжала,
и Света забежала
к ней сзади незаметно;
и видит, что не бедно
живёт её владелец,
похоже, едет с мельниц,
везёт муку князьям,
конями правит сам,
и сам таскал мешки:
на нём следы муки,
видать, что не бездельник,
скорей всего он мельник.

Меж тем, она с разбегу,
запрыгнув на телегу,
залезла под попону,
чтоб в замок незаконно
проникнуть тихо, тайно,

чтобы ни кто случайно
её там не заметил.
Так нужно было Свете
там объясниться с Гвази.
Нельзя чтоб слуги князя
им в этом помешали.
Пусть страх и не внушали
они Свете теперь,
но чтоб открылась дверь
в заветную пещеру,
нельзя превысить меру
осведомлённых лиц.
И лёжа в арбе ниц
среди мешков муки,
зажав в ладонь руки
краешек попоны,
под скрип и тяжки стоны
не смазанных колёс,
уж слышит, что подвёз
арбу мучник к воротам,
и зычный окрик: «Кто там»,
раздался изнутри.
«Ворота отопри,
муки я вам привёз,
добротной –целый воз»,
– ответил громко мельник:

«Сегодня понедельник,
сей день, мне как указ,
чтоб выполнять заказ».
И башня отворилась,
арба во двор вкатилась,

и узкими проходами
меж башенок, под сводами,
скрипя и грохоча,
колесами стуча,
к дворцу на задний двор
подъехала в упор
к большим дверям пекарни.
В ней молодые парни
квашню на хлеб месили,
и печи уж топили.
И мельник, хитрый лис,
скорее спрыгнув вниз,
услышав голос повара,
сквозь шум возни и говора,
помчался доложить
тому, чтоб услужить,
чтоб больше заплатили.
А Света в мучной пыли,
моментик улучила,
с телеги соскочила,

и проявив сноровку,
запряталась в кладовку.
Там долго в ней сидела,
пока закончив дело
все не ушли домой.
Теперь одной, самой,
чему не привыкать,
ей нужно отыскать
наследника покои.
Сидеть и ждать не стоит,
когда вдруг, кто вернётся,
и случай подвернётся
узнать, как пройти к Гвази.
И вся в муке и грязи,
тихонько, озираясь
и не шуметь стараясь,

как тень и тише мыши,
бегом от ниши к нише,
то к стенке, то под свод,
отправилась вперёд.
И вот она награда –
перед нею арка сада,
прибежище красы,
где в тихие часы
или на здоровый сон,

гулял обычно он,
к кому она стремилась.
Войдя в сад, затаилась,
за куст пахучих роз,
что у дорожки рос,
ведущей вглубь к беседке.
Его густые ветки
все в алых цветах были
и Свету там укрыли.

12

Уж медленно темнело,
а Света всё сидела,
таясь там за кустом,
и бдительно притом,
следила за дорожкой.
И ноги уж немножко
у Светы занемели,
но, чтоб добиться цели,
приходиться терпеть,
потом ещё суметь
ей надо убедить,
на дело сговорить,
не просто барчука,
а князева сына.
В кругу детей князей

нельзя иметь друзей,
и трудно тут мечтать,
что другом сможешь стать,
но как среди огней
нет выбора у ней.
Вечерняя прохлада
разлилась уж по саду,
своё брал тихо вечер.
Вот слуги зажгли свечи,
скворец закончил трели,
и пчёлы улетели.
Трудяга паучок,
со стебля на сучок
раскинул свою сетку,
и вот уже на ветку
от центра свита нитка,
а у корней улитка
приют искала в щели,
и улеглись в постели
трудяги мураши.
В саду же ни души,
конечно кроме Светы,
и волновало это
её больше всего,
дождется ли его?

Так за кустом сидела,
и думая, глядела,
как движется улитка.
Вдруг скрипнула калитка,
послышались шаги,
шёл он и два слуги
его сопровождали
и что-то обсуждали,
немножко приотстав.
И Света тут достав
улитку под кустом,
ей бросила потом

в охрану, не открывшись.
Те враз остановившись,
на небо поглядели
и чуть оторопели,
вернуться жаждя к дому.
Один сказал другому:
«Так в жизни не бывает,
улитки не летают.
Давай пойдем к учителю,
ученому мучителю,
узнаем, что он скажет,
когда её покажем».
А Гвази постоял,

и чуть зевнув, сказал:
«Я с вами не пойду,
побуду тут в саду».
Сорвавши розы ветку,
отправился в беседку.

13

Не торопя события,
и выбравшись с укрытия,
пошла Света за ним,
в беседке, чтоб с одним,
успеть поговорить,
и Гвази, взять склонить,
к задуманному делу.
Идя дорожкой смело,
к беседке подошла,
и в ней его нашла,
сидящего в раздумье.
Теперь она в саду с ним
была наедине.
А в башенном окне,
что выходило в сад
и с видом на фасад

чудесного дворца,
мелькнули два лица,

каких-то видно слуг,
что появились вдруг
когда она входила,
и ей не видно было
уже того окна,
и потому она
там их и не заметила.
А Гвази так ответила
на удивлённый взгляд:
«Пришла тайком я в сад,
чтоб свидеться с тобою.
Сейчас тебе открою
зачем сюда явилась,
и чтобы не случилось,
воспринимай, как есть.
Пока ж одни мы здесь,
скажу, что я скрываюсь,
и в помощи нуждаюсь,
и откровенна я,
мне помощь лишь твоя,
нужна для светлой цели:
чтоб счастья поимели
все люди на планете».
И так хотелось Свете
продолжить мысли нить,
чтоб Гвази объяснить,

зачем ей всё здесь это,
но вспомнила тут Света,
что время очень мало,
и дальше продолжала:
«Прими пока на веру,
и завтра, ты в пещеру,
что вверх от замка в гору,
приди в вечерню пору.

Тебя там буду ждать,
никто ж не должен знать
о том даже случайно.
Приди туда ты тайно,
и не спеша в тиши,
все там с тобой решим.
Сам будешь всё судить.
Теперь же уходить
пора мне побыстрей».
И только от дверей
прошла немного садом,
как тут же из засады,
к ней стражи подступили,
и грубо предложили
пройтись теперь ей к князю,
а вышедший к ним Гвази,
не смог ничем помочь.

Уж наступала ночь.
Затем её в подвале
всю ночь одну держали,
как страшную преступницу,
признавши в ней заступницу,
того парнишки – Грюна,
и как на ведьму плюнув,
князь ночь велел стеречь,
а днем на казнь и сжечь.
Бессилен, коль, топор,
огонь решит пусть спор.

14

Тьма ночная лес накрыла.
В лесу тихо мрачно было.
Не слышны шумы с деревни,
лишь щелчки сучков в деревьях,
да шумнёт листвоюмышь,
и опять сплошная тишь.

Продвигаться во тьме сложно,
и ступая осторожно,
Грюн лощиной лез и лез,
углубляясь дальше в лес
наугад, не зная что там,
поворот за поворотом,

по лощине выше, выше.
Неожиданно он вышел
к серой каменной скале,
и в ночной, крошечной мгле,
наломав больших сучков,
собрав несколько пучков
меж камней сухой листвы,
подтолкнув ещё травы,
распалил костёр умело,
видно знал как это делать
Грюн должно не понаслышке.
Пламя яростная вспышка
заскользила по сучкам.
И усевшись рядом там,
Грюн в раздумье погрузился.
И казалось, он забылся,
но когда костёр стихал,
снова жизнь в него вдыхал
новой порцией сучков.
И не ведая оков,
пламя вновь пускалось в пляску,
приняв яркую окраску.
Время между тем летело,
пламя снова прогорело,
угли тихо затухали,
золы бабочки порхали

всё взлетая ниже, ниже.
Вздых костёр последний выжал,
потерял углей окрас,
тихо, медленно угас.

Грюн не спал, смотрел и ждал.
Ещё час прошёл, он встал,
подошёл к углям, разделся,
озираясь осмотрелся,
но тут не кому скрываться,
стал углями натираться,
не прощаясь с наготой,
плавно слился с темнотой.
В мраке словно растворился,
в невидимку превратился.
Негр с ним в сравненье плох.
Нацепив на бедра мох,
и не став здесь одеваться,
стал к деревне вниз спускаться.
Там, на самом на краю,
жизнь налаживал свою
бондарь древним ремеслом.
Лес был рядом за селом,
в сырье не было проблем,
и известен был он всем,
как большой знаток в том деле.

Для вина иль иной цели,
бочки ладил лучше всех,
и его этот успех,
делал жизнь ему безбедной.
Но зато уж был он вредный
и жаднющий до всего,
щепку даром у него
не возьмешь ты со двора.

Озорная ж детвора
потому над ним шутила,
и забор весь превратила
в редкий, редкий частокол.
Грюн, когда там, мимо шёл,
видел в дырку смолы бочку,
и хваля безлунну ночку,

он, покинув тёмный лес,
в огород тот скрытно влез,
до смолы до той добрался,
ей натерся, повалялся
тут же по сухой траве.
На всем теле, голове,
поналип репей и пух,
тот, что с осени был сух,
к тому ж сажей Грюн натёрт,
получился чисто чёрт.

В таком виде, вдоль заборов,
в ночки эту тёмну пору,
не дойдя дворов так пять
до трактира, он опять
затаился у ворот,
там, где улица, сворот
завершала к кабаку.

И здесь, лежа на боку,
наблюдал тайком за стражей.
Ну, а так, как, был он в саже,
то сливался с темнотой;
страже вставшей на постой,
от трактира был не виден.

Что готовил впереди день,
там никто не представлял,
а народ, что пил, гулял,
разошёлся уж давно,
лишь окошечко одно,
чуть светилось изнутри,
и до утренней зари
кабак впал в ночную спячку.

Грюн заметил днём здесь тачку,
с большой бочкою воды.
Для какой не знал нужды,
та стояла у ворот:
поливать ли огород,

иль для пошла для скота,
только Грюну бочка та,
как нельзя сгодились к стати.
И хозяин уж в кровати
видно спит давным-давно.
Нет луны, кругом темно,
и не бродит ни души,
у трактира лишь в тиши,
на траве костёр пылает,
двор трактира освещает.
Улица туда под скос.
Камни вынув, с под колёс,
Грюн, напрягши больше сил,
тачку с бочкой покатыл,
разгоняя всё сильнее,
укрываясь сам за ней.
Света с тьмою грань там стёр,
бухнув бочку на костёр.
Взвились пепел, пар, зола.
Стражей оторопь взяла.
Погрузился двор во тьму,
и во мраке ко всему,
под шипение углей,
плыл тревожный храп коней.
Кони в стойлах бесновались.

Стражи так под растерялись,
что прошло минуты три.
Вдруг, один шепнул: «Смотри»,
пятясь в страхе под навес,
тыча пальцем в тьму: «Там бес».
Глаза к мраку привыкали,
видны двор и стены стали,
и забор вокруг двора.
В нём проломлена дыра
будто цел он вовсе не был.
На безлунном фоне неба,

крыша, чёрная труба,
а у крайнего столба,
где была Зулак шельмовка,
на земле одна верёвка,
сама ж словно провалилась,
или с паром испарилась,
что всё вился над углями
и потушенное пламя,
не рождало в них огней.
Да и в стойлах, двух коней
тоже больше не стояло.
Наконец-то, мало-мало,
перепуганная стража,
не сбежав со страха даже,

приходить стала в себя,
и толкаясь, и грубя,
громко начали ругаться:
как теперь им оправдаться,
что им князю доложить.
И конечно будут жить,
и рассказывать, как бес
с ведьмой скрылся от них в лес,
прихватив лошадок пару;
и все беды уж, как кару,
на них посланную ведьмой,
да, как истину – не бредни,
будут верой принимать.
Не дано им всем узнать,
что тут нечисть не причем,
что здесь друга лишь плечо,
да смекалка со сноровкой,
помогли Зулак так ловко,
из-под стражи убежать,
казни жуткой избежать.
А вот слухи-то повисли.
О погони ж, даже мысли

не возникло там у стражей,
и погнаться за пропажей,
там никто и не решился.

Грюна план осуществился.
Он с Зулак прибыл к утру
к уж знакомому двору,
где их ведьма поджидала,
словно всё уже прознала.
Сразу в дом их позвала,
Грюну сон-вина дала,
как с ним надо обращаться,
научила и прощаться
стала с Грюном как со внуком:
«Если, что входи без стука,
здесь всегда найдёшь ты кров,
и обед будет готов.
А теперь дружок, прости,
лучше всем скорей уйти,
стажа если отоспится,
снова может возвратиться».
Грюн, как гость, всегда знал меру,
и пошёл назад в пещеру,
где со Светой у них встреча,
оговорена под вечер.
Путь туда он не забыл,
и что нужно, всё добыл.

Утро в небе занялось,
солнце плавно поднялось,
поплыло по небосводу,
свет, тепло, даря народу,
птицам, лесу понемножку,
заглянуло и в окошко

сквозь решётку в подземелье
к Свете в крохотную келью,
что колодцем, с дном глубоким
и окошечком высоким.

В ней на каменном полу
ворох сена лишь в углу,
ни скамейки, ни стола,
паутина по углам,
гнили смрад и жуткий холод.

Но не это, и не голод
Светы как-то не касались,
только мысли воскресали
одна страннее другой:
«Вот сижу, почти нагой,
в легком платье, босяком,
толь в бреду, толь сне каком;
холод, боль не ощущаю,
в приключения играю.

Слишком долгод что-то сон,
и логичный очень он.

Ночь прошла, а я всё в яме,
а охота домой к маме.

Прочь, однако, плаксы ропот».

Мысль прервали лязг и топот.

Скрипнул старчески замок,
дверь раскрылась, на порог
стражей втиснулся отряд,
ощетинив копий ряд.

Главный крикнул: «Выходи!

Трое встаньте впереди,
остальные по бокам,
я пойду за ней пока».

И отдав команду эту,
ткнул слегка копьём в бок Свету.

Думал Света издаст стон.

«Нет, конечно, это сон,

боли не было совсем», -
улыбнувшись стражам всем,
вновь подумала она.

Но команда отдана,
её надо выполнять,
чтоб конфликт не обострять.

Свету вывели во двор,
и замкнув тюрьмы запор,
вокруг вставши плотной рамкой,
повели её из замка.

У ворот, и в поле даже,
коридор стоял из стражей.
Здесь уйти было б не просто,
В поле нет уже помоста,
а стоит высокий столб,
и вокруг полно уж топ.
Но заметно и на глаз,
меньше всё ж, чем в прошлый раз,
по напуган был народ,
и палач уже не тот,
не покрыта голова.

А вокруг столба дрова,
кучи хвороста и ветки,
и стоит пустая клетка.

Свету к ней препроводили,
и как зверя посадили
за решётку под замок,
чтобы вдруг кто не помог
ей избежать наказания,
изъявив на то желанье.
Она молча осмотрелась,

и ей очень захотелось
объяснить вокруг стоящим,
кто преступник настоящий,

кто их кровь нещадно пьёт,
жить счастливо не даёт,
пряча все от них богатства,
и что лишь народа братство,
и свободный мирный труд,
всем им счастье принесут.

Что цари, князья, вельможи,
и приспешники их тоже,
где обманом, а где силой,
сочинив не справедливый
для простых людей закон,
как чудовищный дракон,
будут счастье их душисть,
не давая вольно жить;
на себя же труд – их милость.
А понятие «справедливость»,
у трудяг хотят отнять,
чтоб как скот их погонять,
превратив в рабов послушных
в днях безрадостных и скучных.
Как же им сказать всё это,
с клетки глядя, мыслит Света.

А вокруг столпотворенье,
и идет приготовленье:
хворост уж под столб таскают.
Князь с вельможею решают:
дать возможность ей на речь,
или лучше просто сжечь.
Знать стояла тут же рядом.
Света всё пыталась взглядом
отыскать в той кучке Гвази,
но вот только сына князя
там всё не было пока.
И вот поднята рука,
и вскричал вельможа звонко,
в конце фразы взвизгнув тонко:

«Призываю к тишине.
Зачитать позвольте мне
его светлости указ,
чтоб обрадовать всех вас.
Дать урок здесь справедливый,
и покончить с тёмной силой».
Развернул лист как тетрадь,
громко, нудно стал читать:
«Эта дерзкая девчонка
в тайном сговоре с мальчонкой,
тем, что казни избежал,

с ней отсюда убежал.
Куда скрылся, мы не знаем,
но уверенно считаем,
что она уже давно
в шайке с ним, и заодно.
Нет для них закона рамок,
и вчера проникла в замок
не как гость для угощения,
а готовя покушение
на наследника – на Гвази,
чтобы ранить в сердце князя.
С нею бог тут или с нами,
пусть решит святое пламя.
Она ведьма и топор
был бессилен, но костер
– всемогущ судья и строг,
все свершит, как велит бог».
Вот закончил он читать,
посмотрел сперва на знать,
глянул грозно на толпу,
и велел вести к столбу
и ковать там цепью Свету,
только видит, цепи нету.
Толи в спешке позабыли,
иль сообщники стащили;

всёже суд вершить то надо,
и он в голосе с досадой,
заминая миг не ловкий,
привязать велит верёвкой.
А в толпе уж зашептались:
«Куда цепи подевались?
Как так стража их забыла?
Это всё нечиста сила».
Тут уж даже князь поднялся,
даже он разволновался,
и открыл уж было рот,
успокоить чтоб народ,
как вдруг Света прокричала:
«Дайте мне сказать сначала!».
Не дождавшись повеленья,
повела речь так с почтеньем:
«Уважаемые люди!
Не огонь, а время судит.
Я не ведьма, не преступник,
а простых людей заступник.
Помогать Грюну взялась,
чтоб порушить князя власть,
чтоб богатства те достать,
и вам, люди, их раздать.
А преступники – вельможи,
и ваш князь преступник тоже.

Вы живёте в нищете.
А преступники ведь те,
Кто, то видя, и всё зная,
тьму законов сочиняет,
так, чтоб им жилось богато,
а всем вам за труд оплата
только жалкие гроши,
чтоб держать вас всех в глуши
от культуры и от знаний.
Я зову, пойдёмте с нами,

и возьмём всё то, что ваше,
чтобы жить вам стало краше.
Грабит вас вот эта кучка».
И насупившись как тучка,
указала в знать рукой.
«Вот кто губит ваш покой.
И богатства ваши тут
сами вам не отдадут».
Князь вскричал трясясь: «Молчать!»
И чтоб казнь скорей начать,
шепча злобно: «Проучу»,
повернулся к палачу.
«Что разинул рот бугай?»
Крикнул громко: «Поджигай».
Пламя ярко занялось,

столбом в небо поднялось,
охватив огнём всю кучу,
бросив пепла, дыма тучу.
Света скрылась за огнём,
утонув как в бездне в нём.
Сложен был костёр умело,
не видать девчонки тела.
И судили люди сами:
«Это яростное пламя
будет долго бесноваться,
что в нём может там остаться?»
И стояли и смотрели,
с треском искры ввысь летели.
Князь шептал под нос не смело:
«Всё, сгорела ведь, сгорела».
Ещё пять минут молчал,
и уж радостно вскричал,
повернувшись к толпе смело:
«Нету ведьмы! Всё, сгорела!
Никогда не быть в раю
ей за ересь всю свою!»

3

Гвази ночью мало спал,
думу думал, да гадал:
кто такая та девчонка,

из какой она сторонки,
сколько слухов о ней ходят,
объяснения ж не находят,
как палач мог оплошать,
как заставил всех бежать,
обуявший ужас, страх,
почему топор в руках,
жутких смертных дел, умельца,
не осилил хрупка тельца?
Хоть и не был сам там Гвази,
но со слов вельможей князя,
это было колдовство,
чтоб покрыть то воровство,
что намерился свершить,
запрет предков сокрушив,
дерзкий юноша-бродяга,
но был схвачен, бит бедняга.
Только ведьма заступилась,
в юну девку превратилась,
взялась вору помогать,
и народ честной пугать.
Но при встрече, там в беседке,
не узрел он в ней злой метки;
голос искренним был тоже.
Но проникла она всё же
в замок способом запретным.

Пройти стражей незаметно,
нелегко без темных сил.
Он уж многих опросил,
но ни кто с ней не встречался.
Хотя может по боялся
ему правду доложить,
чтоб спокойней было жить
от проблем господских дальше.
Но, в ответах их, он фальши,
вроде бы, не уловил,
и отдал бы много сил,
чтоб вопрос сей разгадать,
но придётся подождать.
Может всё и прояснится,
тут не надо торопиться,
подождём, что дальше будет,
на что суд её осудит?
Утром же, от слуг узнал,
что суду князь приказал
на сожженье осудить,
и к полудню казнь свершить.
Гвази ринулся к отцу,
но по строгому лицу
понял, что тот не отступит,
и девчонка та искупит
свою дерзость смертью лютой.

Не пройти ей мук минутой,
будет корчиться в аду
наяву, затем в бреду.
За что ей такая жуть?
Пошалила пусть чуть-чуть,
не украла, не убила,
ни кого не оскорбила.
Видно, мне, то не понять,
может что-то предпринять.
И пошёл смотреть в смятенье,
как идёт приготовленье.

4

Выйдя с замка на поляну,
видит, там уж слуги рьяно
шурф под столб взялись копать,
сучья, хворост в круг таскать,

старых древ сухие ветки.
Во дворе ж грузили клетку.
На телеге цепь лежала;
на ней маленькие жала
звенья все обременяли,
чтоб кололи, жгли, кусали
того, кто в них облачён,
кто на муки обречён.

Так ли то необходимо?

Гвази шёл тихонько мимо.

Стражи клетку погрузили,

на телеге закрепили,

привязав верёвкой к ней,

и пошли поить коней.

Взгляд других слуг не нашёл.

Гвази мимо уж прошёл,

но вернулся назад снова;

взял с телеги те оковы,

перешёл через мосток,

и забросил в водосток.

Постоял, пошёл назад

посидеть в дворцовый сад.

Сидя там, уже в беседке,

вдруг представил себе клетку,

как втолкнут в неё девчонку,

её хрупкий стан, ручонки,

хорошо хоть без оков

будет ей последний кров.

Сильно весь разволновался,

встал, в беседке не остался,

стал дорожкой ходить,

за беспомощность судить

и корить себя нещадно:

«Посидела в яме, ладно;

хорошо ещё не били,
ей допрос не учинили.

Что-то надо сотворить,
чтобы казнь предотвратить.
Может взять подбить народ?»
– ходил нервно, взад, вперёд,
этой думою объят.

А с дворца, в окошко в сад,
на него смотрел отец:
«Не в себе наш молодец.
Что-то он замыслить хочет,
червь его сознание точит.
Что так может взволновать?»
–и велит его позвать.

5

Гвази быстро появился,
и с порога обратился:
«Откажись отец от казни.
Не чини из смерти праздник.
Что с девчонкой воевать?
Зачем повод подавать
для крамолы среди народа.
Лет пятнадцать ей от рода.
Ну какая она ведьма?»

Это домыслы и бредни».
Тут отец его прервал,
и разгневанно сказал:
«Не был ты на казни Грюна.
Говоришь, что она юна?
Видел б дерзость её сам:
дьявол правил ею там.
Молод ты ещё сынок.
То не казнь будет – урок,
Тем, кто вздумает перечить,
иль вести крамольны речи.
Только сила даёт власть.
Испытать чтоб власти сласть,

волю всех держи в узде,
а иначе быть беде.
Мысль свободная народа
– смерть для княжеского рода.
Вот подумай и учти,
посидевши взаперти».
Кликнув слуг к себе опять,
им велит часов на пять
его в башне запереть,
и за дверью присмотреть,
чтоб открыть кто не посмел,
не наделал он чтоб дел.

Гвази был взбешён почти.
Но уж сидя взаперти,
хоть болела голова,
вспомнил Светины слова:
«Ни во что пока не лезь,
принимай всё так, как есть;
и в пещеру, та, что в гору,
приходи в вечерню пору».
Но понять слова те сложно;
предусмотрено возможно
ей, как казнь ту избежать:
иль удастся ей сбежать,
или помощь кто окажет,
пустит вход оружие даже.
Успокоившись немного,
с башни, глянув на дорогу,
вдруг увидел там конвой.
С непокрытой головой
вели Свету на поляну.
А ему тут, как смутьяну,
находиться взаперти.
И крестясь, шепнув: «Прости»,

– стал он сверху наблюдать

и что будет ожидать.

7

С башни замка вид прекрасный.

И в неё был не напрасно

отцом, Гвази посажён,

чтоб не лез он на рожон;

видя всё, извлёк урок,

но вмешаться, чтоб не смог.

В состоянье, словно пьяном,

он смотрел в низ на поляну.

Там всё шло своим порядком;

может быть не так уж гладко,

только, страсти, рос накал,

и костёр всё ж запылал.

Света скрылась вся в огне.

Гвази как застыл в окне,

жда, что вот, через мгновенье,

к ней придёт туда спасенье;

только времечко бежало,

и надежда исчезала.

Понял он: ждать бесполезно,

прошла времени уж бездна,

а она всё там, в огне.

Находясь как в жутком сне,

не в сознание, не в бреду,

чуя страшную беду,
видит, что-то вдруг случилось,
и толпа вся ополчилась,
и пошла стеной на знать,
но, не в силах был узнать,
что взбесило так людей,
что погнали те судей.
Он смотрел, как все бежали,
как вдруг эхом задрожали

окна, стены, от их крика,
так ревела толпа дико.
И спасался бегством князь,
а толпа за ним рвалась;
стража еле отбивалась,
за стеной чуть не осталась.
И, взбешённый, словно зверь,
Гвази стал ломиться в дверь,
слуг сзывая со двора,
и не видел как, с костра,
вышла Света, невредима,
как сторонкой, замка мимо,
незаметно ушла в лес;
и, как только с башни слез,
через тайный, чёрный ход,
где отсутствовал народ,

Гвази кинулся к костру;
а по телу, по нутру,
разливался жуткий холод.
И хоть был совсем он молод,
но жёг стыд его сознание
за свершённое деяние.
Как же люди так могли?
Ни за что живьём сожгли!
У кострища постояв,
безысходность мук поняв,
побрёл тихо в чащу леса,
под густых ветвей завесу,
безучастный ко всему,
чтоб побыть там одному,
и под зелени прикрытьем,
разобраться в тех событиях.

8

А на казни вышло так:
видя, что повержен враг,
успокоившись, князь сел;
вновь стал важен, грозен, смел,
пот с лица платком обтёр,
и смотреть стал на костёр.
Время будто бы застыло,

но огонь терять стал силу,
прогорать стали дрова.
Вдруг из пламя, голова,
как ни в чём и не бывало,
в первый миг фрагментом малым,
а потом ясней, ясней,
расти стала из огней.
Всё слабей горят дрова,
а девчонка всё жива,
и целёхонька совсем,
и тут стало жутко всем.
Толпа вдруг как очумела,
закричала, заревела,
стала князя окружать.
И пустился тот бежать.
В след помчались и вельможи,
и палач за ними тоже.
Стража, вздыбив копий ряд,
стала пятиться назад.
Полетели вслед им камни.
В замке хлопать стали ставни,
запираясь на запор.
Знать, вбежав скорей во двор,
затворять давай ворота.
А солдат охраны рота
не давала им, давясь.

Перепуганный же князь
запирать кричал скорей,
из дворцовых уж дверей.
Ну а люди бесновались,
и ломились вслед, ругались.

Но момент всё ж упустили,
стражи, втиснувшись, закрыли
за собою ворота;
и осталась толпа та
лишь под замковой стеной;
её грозный шум и вой,
может был и не напрасен,
но теперь уж не опасен.
Долго там толпа бузила,
а про Свету и забыла.

9

Когда пламя запылало,
жутковато Свете стало,
но костёр не обжигал,
дым не ел глаз, не пугал.
Хворост быстро разгорался,
жар, её же, не касался;
оставаясь холодна,
успокоилась она.

На огонь дивясь смотрела:
даже платице не тлело,
а верёвки задымились,
отгорели и свалились.
Пламя, вид весь, ей закрыло,
как стена сплошная, было;
и ей даже показалось,
что людей там не осталось,
вокруг плыла тишина;
все ушли, она одна,
только искры лишь кружились.

Снова думы появились:
«Что за сон дала судьба?»

– и стояла у столба,
в предвкушении конца,
не укрыв даже лица,

разглядеть стремясь сквозь пламя,
что творится на поляне.

И вот, стал огонь стихать,
и пришлось ей услышать
речь торжественную князя,
а по углям выше влазя,
над огнём вдруг поднялась,
подорвав, тем, князя власть.
Что вокруг там началось!

Ей понять не удалось,
что тому, она причиной.
Вспыхнул гнев, людской, лучиной.
Опустела вмиг поляна.
Без единого изъяна,
Света выбралась с костра,
вспомнив, что уже пора,
возвращаться в лес, в пещеру.
Пошатнув здесь в князя веру,
незаметно, стороной,
не оставив ни одной,
даже маленькой улики,
слыша яростные крики
возле замковых ворот,
где сейчас был весь народ
в состоянье шумном, буйном,
ушла в лес навстречу с Грюном.

10

Шла быстро и легко,
идти не далеко,
и где удобней, знала.
Ещё тогда, сначала,
запомнила весь путь.
Над лесом там, чуть—чуть,
видна была скала.

Пещерка же была

почти в её подножье.
И как по воле божьей,
пришла к ней, с Грюном в раз.
Прошмыгнув в скрытый лаз,
устроившись за входом,
чтоб видеть все подходы,
друг другу рассказали
где были, что узнали,
что пережить пришлось,
что всё так обошлось,
сказать, вполне удачно,
что всё не так уж мрачно,
и шанс конечно есть
дождаться Гвази здесь.

11

Солнце к вечеру клонилось,
свежесть по лесу разлилась.
Песни пташек звонче стали.
Света с Грюном задремали,
и очнулись лишь тогда,
когда вняли, что сюда,
по корягам, через лес,
кто-то шумно, быстро лез.

Хрустнул, рядом уж, сучок.
Видит Света, старичок
с сумкой, лезет, пыхтя, в гору,
в эту каменную нору.
Но залезть он не успел,
их узрев, оторопел,
мелко-мелко задрожал,
и наверно б убежал,
если б Света не спросила,
улыбнувшись деду мило:
«Что дедуся напугался,
не на леших же нарвался?»

Залезай друг, гостем будешь,
что друзья мы, сам рассудишь;
заодно расскажешь нам,
что внизу творится там».
Дед помялся, постоял,
приглашенью всё же внял,
то, что друг, приняв на веру.
Не спеша, пролез в пещеру,
стал события излагать,
почём свет себя ругать.
Дело так примерно было:
в гневе, в ярости, есть сила,
но недолго это длится,

и народ стал расходиться;
князь же всех солдат собрал,
и чинить расправу стал,
жечь железом мужиков,
пороть баб и стариков.
И решил дед убежать,
здесь в пещерке переждать,
прихватив еды немного,
не доверив судьбы богу.

12

А в лесу темнеть уж стало.
Как ей быть, Света не знала.
Дед для дела не годится.
Что могло с Гвази случиться?
В небе быстро меркнул свет,
ну а Гвази нет и нет.
Сроку мало уж осталось,
в чём-то Света просчиталась.
Напрягла лишь мыслью ум,
как раздался лёгкий шум.
Только к входу Грюн метнулся,
с Гвази, нос к носу, столкнулся.

Не спешил тот, не скрывался,
сюда, он не собирался:

ноги сами принесли.
Весь уставший и в пыли,
он предстал перед друзьями.
И теперь судите сами,
описать как встречу эту,
когда здесь увидел Свету:
слова вымолвить не мог,
у него был просто шок.
«Не ждала уже тебя»,
– когда он пришёл в себя,
обратилась к нему Света.
«Потерялся друг ты где-то.
Чтоб под вечер, быть просила,
и тебе б всё объяснила,
а теперь спешим, поверь.
Нужно, чтоб открыл ты дверь;
что за дверь, узнаешь там,
и тогда, людским мечтам,
суждено будет свершиться,
нужно только торопиться,
иль теперь, иль никогда,
и тогда взойдёт звезда
счастья, всем хорошим людям,
править миром дружба будет,
будет всем и хлеб и кров.
Гвази, ты помочь готов,

без сомнений, канители,
ради этой светлой цели,
совершить, что прикажу,
дверь открыть, что укажу?
Не скажу пока какую,
поведём тебя вслепую;
а когда глаза развяжем,
на неё тебе укажем,

ты не мешкай ни мгновенья,
чтоб без страха, без волненья
и решителен ты был,
взял за ручку и открыл.
Ну так Гвази, ты согласен?
Этот замысел опасен,
но поверь, то стоит риска,
когда счастье людей близко».
«Я согласен, коли так;
счастье многих – не пустяк.
Лишь бы там вы то нашли.
Я готов помочь, пошли»,
– он взволнованно ответил.
И пока закат был светел,
чтоб не в полной темноте,
они двинулись к мечте,
кто с сознанием, кто вслепую,

может быть собой рискуя.
Дед, и тот помочь решился,
с ними тоже в путь пустился
и просил, в глазах с мольбою,
поручение любое.

13

Вдоль по склону, вглубь ущелья,
шли с заветной, тайной целью,
без тропинки, по камням,
по колодам и по пням,
пути торного в обход.

Тьма сгущалась, всё же вот,
огни в мраке засветились,
и они остановились.

Говорит тут Света: «Дед,
вот вино, и свой обед,
отнеси, отдай там стражам,
будь решителен и важен,

скажешь им, что смены нет,
что прислали лишь обед,
так как бунт князь усмиряет,
войско ждать когда, не знают;
в людях, там, у князя сложность,
как появится возможность,

смену сразу же отправят,
долго ждать их не заставят».
Дед ушёл, не возвращался.
Грюн уже разволновался:
«Что, не справился дед что ли,
не хватило ль силы воли?
Может деда «раскусили»,
и на месте там убили?
Пойду, тайно погляжу
и, вернувшись, расскажу»,
– и скользнул в кусты как кот.
Пять минут прошло, и вот,
он с разведки возвратился,
говорит: «Наш дед напился.
Спит там, с стражами, вповалку,
объяснить забыли жалко,
что вино то, не простое,
но терять время не стоит;
пусть, не всё предусмотрели,
пора двигаться, всё ж, к цели»,
– и скорее, как могли,
Гвази к двери подвели.
Прямо против неё встали,
глаза Гвази развязали.
Говорит Света: «Давай,
быстро, резче открывай».

Тишина кругом и мгла,
перед ним стеной скала,
высоты – лучше не мерь,
а в скале чугуна дверь;

на ней шар в сиянье света,
дверь сокровищницы это.
Но лишь помня обещанье,
позабыл про наказанье,
свою волю взяв в кулак,
отключил все мысли так.
А нутро ожгло огнём,
мысль одна витала в нём:
«Нет, он их не обманул»,
– взял и, с силой, дверь рванул.
Взвизгнув, та пред ним раскрылась,
и за нею очутилась
вглубь ведущая дыра.
«Всё, теперь и нам пора»,
– обратилась к Грюну Света.
Факел взяв с собой, для света,
вошла первой внутрь скалы.
Тишина, лишь треск смолы
от чадящего огня.
«Пропусти вперёд меня»,
– сзади Светы Грюн сказал:

«Вход ведь в следующий зал
буду я здесь открывать,
вам ж, не нужно отставать»,
– и пошёл вперёд быстрее,
Света вслед, Гвази за нею.
Вот пред ними вновь стена,
дверь вторая в ней видна,
а за нею, звуки гула.
Света Гвази тут шепнула:
«Здесь не нужно нам проворство,
здесь нужно его упорство;
он свершал уже попытку,
и терпел за это пытку,
но идёт тут с нами снова,
я с ним в бой идти готова».

Грюн же в ручку уж вцепился,
и всем весом навалился.
Под напором его тела,
дверь ужасно закрипела,
туго-туго, но открылась.
Света вновь к ним обратилась:
«Дальше я пойду одна.
По преданьям, там нужна
смелость, просто не людская,
я же здесь, для вас, такая.

Знаю, что там третью дверь,
охраняет страшный зверь,
чудовище ужасное,
для всех людей, опасное.

Мне же нечего бояться,
тут не буду объясняться,
не судите меня в том,
всё узнаете потом.

Вы за мною не ходите,
а садитесь здесь и ждите.

Если дверь открою враз,
позову тогда и вас»,
– так закончила она,

и пошла вперёд одна.

Факел быстро догорал,
мрак сгущаться вокруг стал;
стал усиливаться гул,
и из тьмы вдруг жардохнул.

Факел пыхнул и погас.

Тьма укрыла Свету в раз,
своды стали не видны,
но на ощупь, вдоль стены,
в всё снижающийся ход,
тихо шла она вперёд.

И вот кончилась стена.

Дверь нащупала она.

Только ручку искать стала,
вся земля вдруг задрожала,
треск раздался за спиной,
погрузилось тело в зной.
Это ново уже было,
и сознание поразило:
жар огнём её обжог
с головы до самых ног,
она чуть не задохнулась,
и мгновенно повернулась.
Но и это не всё было:
боль ужасная пронзила,
будто острый нож воткнулся:
с злобной пасти к ней тянулся
красно-огненный язык.
И раздался Светы вскрик.

ГЛ. 6

1

Прошёл уж день восьмой,
а мать всё ждёт домой
любимицу свою.
В каком она краю?
Плохого ждать не смея,
гадает что же с нею;

должна же дочь вернуться,
вот утром, взять проснуться,
еще в теле истома,
а Света уже дома:
и где столь дней была,
вновь взявшись за дела,
сама ей всё расскажет,
а может и покажет,
и даже объяснит.

Но только всё болит
душа, и нет уж мочи,
а вечер уже к ночи
почти – что перешёл,
и месяц вон взошёл
молоденький и тонкий.

Вдруг, слышит в спальне, звонкий
раздался Светы вскрик,
и в сердце он проник,
кольнув его до боли.

«Мерещится уж что ли?»

Но вот уж слышит стон,
идет из спальни он.

И мать метнулась к двери.

Глазам своим, не веря,
к кровати подбежала,
там Света в ней лежала,

и худенькое тело
в бреду огнем горело,
дрожало и стонало.
Что делать? Мать не знала.
За «скорой» бежать надо,
чтоб вырвать дочку с ада,
из злых когтей болезни.
Но вдруг опять исчезнет?
И в страхе потерять,
металась в спальне мать.
Но толку, что метаться,
боясь с ней вновь расстаться,
оставив здесь одну,
мать бросилась к окну,
соседку, став кричать,
чтоб шла та выручать.
Когда ж та появилась,
к ней с просьбой обратилась,
с окошка ей крича,
чтоб вызвала врача.
Та, спрашивать не став,
и только лишь узнав,

что Света возвратилась,
в медпункт бежать пустилась.
Усевшись с Светой рядом,

мать не сводила взгляда,
боясь и отойти.

Сама в шоке почти,
так сильно растерялась,
что скорой дожидаясь,
забыла, что уж ночь,
что можно б и помочь,
хоть мокрым полотенцем,
иль взять, и водкой с перцем
ей ноги натереть,
иль молоко согреть,
и с медом попоить,
но, что тут говорить,
понять её мы можем.

Но лучше, если б всё же,
помочь хоть попыталась,
чтоб света не металась
в отчаянном бреду,
чтобы прогнать беду,
приставшую к ней где – то,
там, где скиталась Света.

А мать рядом сидела,
на Свету лишь глядела,
свой сдерживая плачь.

Но вот приехал врач
и сделал заключение:

у Светы воспаление,
а потому и жар
и, что в стационар
сейчас же увезут,
оставить её тут
сказал, что не возможно.
Лечение будет сложным,

запущенная форма,
во всём должна быть норма
и ехать нужно спешно,
чтоб излечить успешно.

2

Ночь тяжка для больной,
но майскою весной
она не долго длиться,
и вот Света в больнице
на третий день очнулась,
лечение затянулось.

Таблетки и микстуры,
уколы, процедуры,
и время полетело.

В больницу то и дело
подруги приходили,
и Свету все просили

поведать, где скиталась,
но тайною осталось
её исчезновение.

Оставив в всех сомнение,
сама узнать пыталась,
но память обрывалась
весенним воскресением,
когда окончив чтение,
уснула, было поздно,
луна взошла, и звездным,
прояснив, стало небо,
а дальше память – небыль,
как чистая страница,
проснулась – тут больница.
И страшная усталость.
А то, что с нею случилось,
от матери узнала:
ей мама рассказала,

что восемь дней искали,
и где она не знали,
весь город обошли,
но так и не нашли.

Милиция с ног сбилась,
а Света объявилась,
вдруг, так же, как исчезла,

как будто с неба слезла,
никто её не встретил
и даже не заметил.
Как будто, в самом деле,
все восемь дней в постели,
когда искал весь город,
переборовши голод,
лежала невидимкой,
остыв, при том, как льдинка,
и сильно заболела.
Тогда, вновь её тело,
как фото проявилось,
и Света объявилась.
Хоть мучает сомненье,
другого объясненья,
найти мать не сумела.
Доверившись всецело,
тому, что дальше будет,
и, что подскажут люди,
а может, вспомнит Света
исчезновение это.

3

Прошло так две недели,
вставать стала с постели,
окрепнув малость Света,

в права вступило лето.

Каникулы настали,

и дети все мечтали

активно отдохнуть,

чтоб выбрав новый путь,

отправиться в поход,

чтоб встретить там восход,

и проводить закат,

чтоб лесом, наугад,

без тропок, даже в ночь,

найти маршрут чтоб смочь,

чтоб не блудить учиться,

ко сну не торопиться,

не думать, что уж поздно,

и тихой ночью звездной,

с друзьями у костра,

общаться до утра.

Все радовались лету.

А выписали Свету

ещё дней через семь.

Оправиться ж совсем

смогла лишь через месяц.

Все за и против, взвесив,

врач матери сказал,

что в памяти провал,

скорей всего от шока,
и где-то там, далёко,
в сознание всё храниться,
и может так случиться,
что всё она и вспомнит,
когда судьба исполнит
похожий в жизни случай.
Но всё же, будет лучше,
чтоб всё, что с ней там было,
навечно позабыла.
И попросил врач мать
о том не вспоминать:
нельзя напоминаям
бередить ей сознание.

4

Покой вернулся в дом.
Своим всё чередом
пошло в нём как обычно;
и лишь в общенье личном,
все к Свете мягче стали,
с расспросами отстали:
всем запретила мать
ей, то, напоминать.
От стрессов, чтоб сберечь
и тяжких дум отвлечь,

сходить сказала к Оле;
у них недавно в школе,
чтоб, дети больше знали,
учителя создали
клуб юных краеведов.
Узнала ж мать, с беседы
с её отцом, вчера.
И Свете уж пора,
заняться нужным делом,
чтоб дома не сидела,
с друзьями, чтоб общалась,
и тоже развивалась.

5

Скажу теперь для сведения,
что тот клуб краеведения,
собрал много друзей,
и создал в нем музей,
и для него ребята
искали экспонаты.

Ходили в лес и в горы,
чтоб фауны и флоры,
добыть там раритеты,
и, чтоб найти ответы,
к событиям старины,
иль минувшей войны,

ходили по селениям,
и там у населения
о прошлом узнавали
и утварь собирали,
а приводя в системы,
по ним писали темы
для небольших докладов
и если было надо,
чего-то не хватало,
то шли в поход сначала,
и спорные детали
там тщательно искали.
Могли сто вёрст пройти,
чтоб истину найти.

6

Вот как-то в конце лета,
отряд, где была Света,
раскопки вёл у замка,
шурфы капали, ямки,
узнать им было надо,
бывали ль здесь осады:
когда, то, если было,
и, как происходило.
А так же в лес ходили,
кузнечиков ловили,

в том, множа свои знанья,
биолога задание
тем самым выполняли.
И просто так гуляли.
В один из жарких дней,
в тени густых ветвей,
в полуденную пору,
от замка, склоном в гору,
шли Света, Оля, Тома,
и лучший друг их, Рома.

Он никогда не тужит,
большой и неуклюжий,
ну, что медведь Балу,
и вышли на скалу.
Её Света узнала,
как монумент стояла,
она среди самой чащи.
Но Света знала – раньше
она здесь не была,
но только, вот скала
до боли ей знакома.
И, вдруг, подружка Тома,
кричит им: «Здесь пещера!»,
а Рома: «Чур я первый», -
и свой, толкая вес,

в неё уже полез.
За ним полезла Оля,
а Свете, вдруг до боли,
как пресс виски сдавило,
и, то, что с нею было,
в том странном, долгом сне:
и казнь, и, как в огне,
она живой стояла,
и всех, кого там знала,
и всё, что там случилось,
как тайна ей открылась,
как Грюну помогала.....
«а, что там с ними стало?»,
тут вспомнила так явно.
И лес в глазах, вдруг плавно
поплыл, всё закружилось,
сознание провалилось,
и где Света стояла,
бух – в обморок упала.
К ней Тома подскочила,
водой с фляжки облила,

давай трясги за плечи,
и Свете стало легче.
Очнулась, тихо села,
на Тому посмотрела,

и стала горько плакать.
«Ты, что разводишь слякоть?» -
спросил из лаза Рома,
и уж серьёзно: «Тома!
Ты, что её обидела?».
«Да, нет, я лишь увидела,
что с Светой что-то стало,
что в обморок упала.
Я ж в чувства приводила,
вот и трясла и била.
Ну, что Света случилось?» -
к ней Тома обратилась.
Но Света всё сидела,
ревела и ревела.
Роман напротив сел,
в глаза ей посмотрел,
затем, вдруг резко встал,
и громко всем сказал:
«Нет, это не каприз,
идём девчата в низ».

7

Оставшийся весь день,
как прошлой ночи тень,
ходила везде Света,
берясь за то, за это,

ни что не доводила,
как будто в тьме блудила.
Но все о Свете знали
и к ней не приставали.
Так день и пробежал,
а вечер вновь собрал

ребят всех у костра,
и шумно детвора,
поужинав, галдела,
друг другу, то и дело,
там шутки отпуская.
То выдумка какая,
подхваченная всеми,
прилипнет к чьей-то теме,
и смех рекою льётся,
то кто-нибудь займётся
страшилкой, небылицей,
на их весёлы лица,
гнать жутью лёгкий страх.
И вдруг из тьмы монах,
как из стены, выходит:
«Я здесь случайно вроде.
Несу свой, жизни крест.
Иду из дальних мест,
туда, в степную ширь,

у нас там монастырь.
Давно здесь не ходил,
немного приبلудил,
и вышел вот к костру.
Ночь скоротав, к утру,
подамся вновь вперёд.
Надеюсь здесь народ
гнать прочь меня не будет,
и пусть нас бог рассудит,
коль ошибаюсь я.

Что скажете, друзья?»
Ребята удивились,
но всё же потеснились,
чайку ему налили,
потом уж попросили:
«Быть может, нас уважите,
нам что-нибудь расскажете,

какую быль несёте,
раз с дальних мест идёте?»

Он так ответил им:
«Ходил в Ерусалим,
святых чтоб мест коснуться,
душой чтоб окунуться
в высокий, чистый дух,
в крови чтоб не потух

огонь любви к всем людям.

А люди нынче блудят».

Добавил с грустью строго:

«Отвергли люди бога.

Того не понимаете,

ошибку совершаете,

торопите события,

форсируя развитие;

и ваша революция

торопит эволюцию.

Но нужно, братцы, знать,

что силой, насаждать

нельзя даже хорошее.

Взгляните только в прошлое,

и убедитесь сами,

что будет скоро с вами.

Тернист и длинен путь,

сложна людская суть.

Наука уж признала,

в нас слиты два начала.

Теперь уже известно:

природное – телесно,

душа ж, даётся Богом».

Задумался немного,

но видя, смог увлечь,

продолжил свою речь:

«Обет я не нарушу,
сказав: с нас выньте душу,

останется лишь зверь.

А что хотят теперь,
лишая людей веры?

В вас рушат чувство меры.

Я видел братцы лично:
потребность – безгранична.

Технический прогресс
не даст всем людям мест
для чудобытия,
уверен в этом я.

Науки, любой, знанья
не сделают сознание
людей всех, лучше, краше,
а в нём развитии наше,
а значит и судьба.

Идёт в нас всех борьба
между душой и телом;
и жизнью правит в целом,
что в ней, в нас, побеждает,
то, время подтверждает.

И в том-то всё и дело:
сильней потребность тела
– и шаг назад в развитии.

То, не моё открытие,
в вас правит уже бес.
А вот Христос, с небес,
сошёл, чтоб стать примером,
и если есть в нас вера,
пройдут века, события,
дойдём в своём развитии
до образа Христа,
и сбудется мечта
грядущих поколений,
к чему повёл вас Ленин
– настанет коммунизм.
Железный ж механизм,

любого совершенства,
построить мир блаженства
помочь не в состоянье,
и только лишь сознание,
когда не будет каст,
его всем людям даст.
Не будет жертв, мучителей»,
– тут, подмигнув учителю,
хлебнув глоточек чаю,
добавил: «Всё, кончаю
морочить вам ребяток,
добавлю лишь, недостаток,

нам всем, не обходим,
но кроется за ним
стремление к богатству,
оно и рушит братство,
рознит людей и ссорит,
приносит многим горе».
Тут Света не сдержалась:
«А я помочь пыталась
сокровища достать,
чтоб людям их раздать,
чтоб все богаты были,
и счастливо чтоб жили.
Я что, свершала грех?»
Раздался дружный смех.
Ребята рассмеялись,
они не догадались,
о чём она сказала.
И Света тогда стала
рассказывать свой сон,
и что был странным он,
и что причастен даже,
вполне, к её пропаже.
Потом она сказала:
«Сегодня я узнала

в лесу скалу с пещеркой,

и надо бы с проверкой
сходить теперь в ущелье.

Но я не ставлю целью
сокровища найти.

Мне нужно лишь пойти
и посмотреть ту дверь,
ведь даже и теперь
путь к ней найду туда,
я быстро, без труда».

Но возразил учитель.

«Я риска не любитель.

Скажу: на днях в ущелье
склон был разрушен селю,
и там теперь опасно,
и рисковать напрасно,
чтобы проверить сон,
я против», – сказал он -

«и вам всем запрещаю.

Сейчас же, выпив чаю,
почтенные ребята,
все быстро спать в палатки;
работы завтра много.

А к вам, служитель бога,
ещё есть предложенье -
мне, с полным уваженьем,
хотелось бы поспорить.

Я не любитель вторить
теориям других,
когда я вижу в них
какой-то недостаток.
Уложим спать ребяток,
за чаем посидим,
ещё поговорим».

8

Уж поздним было время,
и молодое племя
в постели улеглось,
а Свете не спалось.
Катился ветер с гор,
и доносился спор.
Учитель утверждал:
«Я многих людей знал,
таких, что чтили веру,
и вот при том, во первых:
прожили в нищете,
не дав волю мечте,
а во вторых – способности,
из-за излишней робости,
в себе не поразвили,
талант свой погубили,
принизив его меру.

Слепая в бога вера
прогрессу угрожает,
людей всех принижает,
в них тормозит активность».
«Снижает агрессивность», -
добавил тут монах.
«Однако будит страх», -
вновь возразил учитель,
– «Бог душ людских целитель,
а личность принижает,
и сильно подавляет
уверенность в себе,
что сам, в своей судьбе,
ты должен быть творцом».
«Однако налицо
мы видим другой факт.
К примеру, скажу так»:

-монах тут вставил снова,
себе, беря вновь, слово,
– «Теперь кругом мундиры,
и правят командиры.
Судьба всех – в их руках;
и в людях другой страх:
не за грехи пред богом,
а то, что стал залогом

чиновничьей машины,
и то, что в ней бессильным
становится добро.

А всё её нутро
стремительно гниёт,
и жить всем не даёт
по совести, свободно,
а только как угодно,
стоящим сверх, чинам.

И не творец ты сам,
судьбы, как говорите,
а всюду, поглядите,
над вами бюрократ,
а выше партократ,
и вовсе не закон,
а то, что хочет он –
заевшийся чинуша.

Меня милоч послушай:
ведь Бог, с своих небес,
не тормозит прогресс,
а сдерживает прыть,
чтоб люди могли быть
немного осмотрительней
в движении стремительном;
и чтоб в своих ошибках
не углублялись шибко,

чтоб меньше было горя».

И слушая, как спорят

в тиши, монах с учителем,
два истины любителя,
не всё в том понимая,
не всё воспринимая,
вдруг вспомнив отчий дом,
забылась Света сном.

9

Утро выдалось чудесным.
День сулил быть интересным.
Все с весельем и охотой
занялись своей работой.
Ну а Свету хитрый бес,
открыть тайну, манил в лес.
Нетерпение зудело.
И она уговорила
свою лучшую подругу,
чтоб зоологу в услугу,
половить пойти сверчков,
поискать новых жучков.
Перейдя у замка поле,
повела Светлана Олю,
со своею тайной целью,

всё сильней клоня к ущелью;
не спеша, ловя букашек,
под чудесную трель пташек,
туда, где был южный склон,
чтоб проверить там свой сон.
А когда уж близко было,
Оля вдруг сообразила,
куда Света держит путь,
и струхнула тут чуть-чуть:
«Нам учитель что сказал?
Что на днях там был обвал».
Но ответила ей Света:
«Мы проверим сейчас это.

Если только там опасно,
мы увидим это ясно,
и надеюсь, разберёмся,
коль пройти нельзя, вернёмся,
а возможность если будет,
результат тогда рассудит:
нужно ль было рисковать,
чтоб в ущелье побывать».

10

Снизу склон и впрямь осел,
натворив ужасных дел.

В средней части лишь немного,
унося в обвал дорогу,
что должна была быть здесь;
и теперь нужно залезть
сразу выше, тут на входе,
ну а дальше будет вроде,
там пройти не так уж сложно.
И девчонки осторожно
вверх полезли над обвалом.
Попотеть пришлось не мало,
но залезли бес проблем,
и пошли уже затем,
вдоль обрыва, под стеной.
Здесь не встретив ни одной
сколь серьёзной бы, преграды,
лишь смотреть было не надо,
туда где всё обвалилось,
голова чтоб не кружилась.
Сколько здесь воды сошло,
сколько уж веков прошло,
сколько глыбищ в низ упало,
место Света всё ж узнала.
Как во сне, так и теперь,
видит вновь она ту дверь.

Низ завален, весь в камнях,

но как прежде шар в лучах
на тяжёлом чугуне,
наяву уж – не во сне,
в верхней части, не вредим,
и как будто светит им.

Смотрит Света, Оля скисла,
видя, как над ней нависла
угрожающе скала,
а в том сне она была
как-то менее ужасна
и казалась не опасной.

Но к двери она шагнула,
хоть давление скакнуло,
загудела голова,
зазвучали вновь слова:
«Откроет дверь решительность,
не сила, не внушительность,
не шустрость и проворство;
вторую дверь – упорство,
а третью только смелость».

И Свете не хотелось
здесь шанс свой упустить,
и дело погубить.

Не став на помощь звать,
взялась дверь разгребать.
А Оля испугалась,

со Светой не осталась,
за помощью пустилась,
и быстро с вида скрылась.
А тайною гонимая,
трудясь, как одержимая,
себе Света сказала:
«Зря Оля убежала.
Такой серьёзный случай».
Раскидывая кучу,
чуть ли не час с ней билась,
а дверь легко открылась.

11

Дохнуло подземельем.
И там, внутри, за дверью,
у стенки, в пучке света,
вдруг видит два скелета;
лежат, как братья, рядом.
Не в силах сдвинуть взгляда,
вошла в зал первый Света,
и смутно, в душе где-то,
уж чувствует она,
что в том её вина:
«Ведь с ними была здесь я,
хоть минули столетья,
всё в давнем прошлом было,

но я их погубила.
Их не вернёшь теперь».
Ища вторую дверь,
пошла вглубь, в темноту,
осуществлять мечту
погибших здесь ребят.
На ощупь, наугад,
к второй двери добралась,
за ручку крепко взялась,
спиною повалилась.
Но дверь легко открылась.
И Света аж упала,
но тут же быстро встала,
и хоть разбила ногу,
искать во тьме дорогу
продолжила опять.
А чтоб вернуться вспять,
и мысль не промелькнула.
Из тьмы жаройдохнуло.

И как тогда во сне,
держась плотней к стене,
на ощупь, шаг за шагом,
и хоть полился градом
со Светы крупный пот,
она всё шла вперёд.

Но вот и третья дверь.
«И где тот лютый зверь,
чудовище ужасное,
для всех людей опасное?»
– подумать не успела,
как что-то засопело,
забулькало во тьме.
И в Светином уме
стал рисоваться зверь.
Но вновь вцепившись в дверь,
на что способна была,
рванула со всей силы.
И третья дверь открылась,
но тут же навалилась
на Свету чья то туша,
всю мощь свою обрушив,
на хрупки её плечи.
И сотни ярких свечек
зажгли в глазах пожар,
сойдясь в огромный шар,
сияние разлилось,
сознание провалилось.

ГЛ-7

1

Оля пулею летела,

торопилась, как умела,
в лагерь быстро добежала,
задыхаясь, рассказала,
что пошли со Светой в лес,
но опутал их там бес,
и в ущелье забрели,
там ту дверь, из сна, нашли;
хоть завалена она,
но эмблема всё ж видна:
шар какой-то в лучах света,
вход в сокровищницу это.
«Света стала разгребать,
ну а я сюда бежать:
торопилась со всех сил».
И учитель лишь спросил:
«Помнишь ли назад дорогу?
Пойдём быстро на подмогу,
остальные будут здесь,
незачем всем в пекло лезть».
Взяв фонарь, лопату, лом,
быстро, чуть ли не бегом,
с Олей кинулся в ущелье,
в мыслях лишь с одною целью,
чтоб успеть найти там Свету,
а не то потом к ответу
его строго привлекут,

коль случится с ней что тут.

2

Оля сразу путь нашла.
Вот отвесная скала,
как стена уходит в небо.
Здесь учитель раньше не был.
Куча у двери разрыта,
дверь чугунная открыта;
за ней в мрак уходит ход,
над ним низкий круглый свод;
и за входом в луче света
у стены лежат скелеты.
Оля лишь к двери шагнула,
но войти туда струхнула.

И сказав ей ждать у входа,
сам под каменные своды
без оглядки поспешил.
Что-то ухнуло в тиши,
там, в тоннеле, глубоко.
Вниз идти было легко.
Ход тоннеля опускался
и всё дальше углублялся
к недрам каменной горы.
Чьи-то острые топоры

стены гладко здесь срубили,
а все трещины, что были,
появились уж потом;
и загадочно при том
то, что воздух дул навстречу.
Хорошо фонарь, не свечи,
он с собою захватил.
Фитиль ярче подкрутил,
подходя к второй двери.
Входит, а за ней, внутри,
идеально круглый зал.
Кто-то тонко вырезал
на его стенах картины:
не живой мир, а машины
– на колёсиках кабины,
самолёты странно длинны,
форм изящных, очень сложных;
и везде, где только можно,
толи куклы, толь народ.
Дальше зала снова ход.
Из него струится жар,
будто там внутри пожар;
но нет дыма – вот вопрос.
Страх за Свету вновь возрос.
Он пошёл вперед быстрее.
Что там ждёт, и что там с нею?

Всё сильнее снижался ход.
Тело всё прошибло в пот.
Наконец-то третья дверь,
а над дверью странный зверь,
дверь открыта как окно,
зверь – прекрасное панно,
на Земле таких не жило:
восемь ног у зверя было,
ноги в виде толстых ласт,
от панно обрушен пласт.
В потолке, полу – пролом,
вулканический разлом.
Из щели, как длинный клык,
застыл лавовый язык,
и от туда пышет жар,
а за дверью как пожар,
всё сверкает жёлтым светом,
у двери в обломках Света.

3

Раскидав скорей обломки,
пульс нащупал. В жилке тонкой
слышен очень слабый тик;
но как в церкви святой лик,
ему душу оживил.

И стараясь со всех сил,
в чувства Свету он привёл.
Грязь с лица, ей, майкой смёл,
целовать стал щёки, лоб,
дать в себя прийти ей чтоб.
А когда криз шока спал,
взгляд её осмыслен стал,
и лицо залилось краской,
пожурил её с острасткой;
платье, кофточку поправил,
улыбнулся и добавил:

«Будешь жить сто лет теперь»,
– а затем шагнул за дверь.
Света тоже вошла вслед.
Зал огромен, жёлтый свет
из разлома шёл от лавы;
а повсюду – слева, справа,
шли рядами колоннады,
и заметить сразу надо,
чередуюсь ниже, выше,
меж собой имели ниши.
Вся система: монолит,
не имеет блоков, плит,
словно весь огромный зал
был один сплошной кристалл

пестро жёлтого нефрита,
и внутри его разбита
эта царская палата.

Ниши все набиты злата.
Но не слитки то простые,
это книги золотые.

Остаётся лишь дивиться:
из золотой фольги страницы,
и обложки золотые,
все в узорах, расписные.

В них научные отчёты,
тексты, формулы, расчёты,
схемы, графики, картинки,
и по всюду ни пылинки:
всё сверкает и искрится.

Как в гипнозе, в их страницы,
тут учитель впился взглядом,
а уже идти бы надо,
но не в силах оторваться,
стал он чтеньем упиваться.

А прочесть всё – жизни мало.
И его, то в жар бросало,

то трясло как в лютый холод.
Но не злато, знаний голод,
был в том главною причиной.

И коптящею лучиной,
стал фонарь вдруг угасать.
Но не став огонь спасать,
а он тут же и погас,
Свете дал такой наказ:
«Это нам судьбы награда.
Слушай Света, вот что надо:
с Олей в лагерь возвращайтесь,
быстро в город собирайтесь,
в горсовет сразу идите,
о находке сообщите;
председатель там, мой друг,
в академию наук
он пускай тот час позвонит,
и как надо, всё исполнит.
Я же здесь останусь ждать,
успевать буду читать.
Из разлома света хватит.
Что прочту, с лихвой оплатит
риск и голода страданье,
а научные познания,
что успею почерпнуть,
мне укажут в жизни путь.
Знания в книгах здесь – бесценны,
книги эти все не тленны.
Не людских то дело рук,

и собрание наук
в этих книгах внеземное;
людям, это, путь откроет
к освоению миров,
обустроить земной кров,
несомненно, нам поможет,
и богатства приумножив,

миру счастье принесёт,
растопив в нём розни лёд.
Ладно, хватит рассуждать,
беги быстро, буду ждать».
Света, с корточек вставая,
и зачем сама не зная,
одну книжку с ниши взяла,
и под блузку затолкала
так, чтоб была не видна,
и пошла на верх одна.

4

Раскрыв тайну подземелья,
Света с нужной, важной целью,
вынося на свет мечту,
тяжело дыша, в поту,
из тоннеля поднялась.
Оля тут уж заждалась,

и сидела «на слезах»;
в её влажненьких глазах
и вопрос был и упрёк;
ей то было невдомёк,
что в горе они нашли,
но сказав ей лишь: «Пошли»,
– Света стала вниз спускаться.
И боясь одной остаться,
Оля кинулась за ней.
Меж деревьев и камней,
друг за другом шли молчали,
а когда уже начали
из ущелья выбираться,
не смогла Оля сдержаться
заканючив: «Свет, а Свет,
объяснишь ты или нет?
Что? Чего? И где учитель?
Ты нарочно, как мучитель,

издеваешься над мной?»
Но сказав в ответ: «Не ной»,
– Света шла, шаг не сбавляла,
а подумавши, сказала:
«Здесь не буду объяснять.
Не так просто то понять,
а осмыслить всё, уж точно.

В город нужно идти срочно,
сразу прямо в Горсовет,
там и дам на всё ответ».
Вдруг земля вся содрогнулась.
Света сразу обернулась.
Шёл с ущелья жуткий гул.
Шквальный ветер лес рванул.
Пыли чёрная лавина
языком, по небу, длинным,
на них грозно поплыла.
И всё Света поняла.
И хоть был в ущелье ад,
Света кинулась назад.
Что бежит напрасно, знала,
и со входа увидала,
что та грозная стена,
там осела вся до дна,
в щепень, в глыбы развалилась,
в хаос скальный превратилась,
уничтожив лес и склон.
Там учитель, погиб он.
Света села, зарыдала.
Почему всё так? Не знала.
Может прав был тот монах:
терпит дело снова крах,
потому, что как не странно,

видно людям ещё рано
давать в руки то, что там.
Видно против бог тут сам.

Может даже то опасно,
и старанья все напрасны.
Не готово в нас сознание,
чтоб освоить эти знания,
не пустив другим во вред,
натворив ужасных бед.
А пройдёт не один век,
и постигнет человек,
суть господня мироздания,
подняв уровень сознания,
и тогда науки храм
путь откроет нам к мирам.

5

Света долго прорыдала,
машинально затем встала,
назад в лагерь побрела,
Олю там уже нашла.
И хоть горько, больно было,
всем ребятам сообщила,
что учителя уж нет,
и, отведавши обед,

в город будут возвращаться,
и там будет объясняться
обо всём, что здесь случилось.
Почему так получилось,
что погиб учитель их,
и улик нет, ни каких?
Про себя ж, она решила:
что и так дел натворила,
с неё хватит трёх смертей,
и сокровища все те
тайной будут пусть от всех,
даже если это грех,
надо ей о них молчать,
нечего о них кричать.

И потом, при всех расспросах,
и на следственном допросе
говорила, с тайной целью,
что там, в жутком подземелье,
до конца с ним не ходила,
и не знает, что там было.
Был преградой, в ходе том,
вулканический разлом.
В свете лавовых огней,
когда он вернулся к ней,
был весь взмокший, и устал,

ей же только наказал,
чтоб охрану привела,
и ещё чтоб позвала
того, кто б представил власть.
Но потом случилась страсть:
всё обвал там завалил
и искать, где вход там был,
хоть всё это и ужасно,
бесполезно и напрасно.
Он, скорей, разрушен тоже,
и ни кто пройти не сможет.

6

Лето скоро догорело.
Время быстро пролетело.
Началась учёба в школе.
Класс последний Свете с Олей.
Только с ней она дружила,
только с ней гулять ходила,
осторожной, скрытной стала.
Мать её не узнавала:
взгляд направлен чаще к полу,
и потом, окончив школу,
стала, чуть ли не немтырь,
и ушла вдруг в монастырь.

Для родителей был шок.
Но ни кто её не смог
убедить вернуться в дом.
Здесь закончу я на том.

Пролог.

Как-то позднею порой,
в год две тысячи второй,
в древнем, древнем городишке
беспризорных два мальчишки,
не сумев договориться,
меж собою стали биться,
разбивая носы в кровь.
А вокруг их всюду новь:
мчат шикарные машины,
им сигнали гудком длинным,
тут и там особняки,
и уж как-то не с руки,
рядом ветхие домишки.
Грубо бьются там парнишки.
Мимо их проходят люди.
Кто лишь цыкнет, кто осудит,
но ни кто не разведёт:
безразличен стал народ,
и не только здесь, везде,
глух народ к чужой беде.

Не для русских та черта,
страшна эта глухота,
не пробьёт её и пушка.
Но подходит к ним старушка,
очень древняя монашка,
и, схватив их за рубашки,
между ними боком встала,
и спокойно так сказала:
«Вы ж друзья, побойтесь бога»,
– и добавила тут строго:

«Мать с отцом о вас забыли.
Что вы здесь не поделили?
Приходите, я вам дам,
монастырь найдете там»,
– и рукою указала.

Потом ласково вдруг стала
говорить такую речь:
«Ссоры все не стоят свеч,
дружба золота дороже,
и ребятки вам не гоже,
как-то это забывать.
Не учила, что ли, мать,
вас терпеть, жалеть, любить,
щедрым, добрым к другим быть.
Не учила, что ли, слушать?»

Или лишь давая кушать,
вас кормила, как зверят,
чтоб не умненьких ребят,
а волчат отправить в мир?
Чтоб в вас дьявол правил пир,
а не разум, богом данный,
был бы в жизни, вашей, главным?
Что ценней? Судите сами,
вы же все же христиане.
Нет, чтоб лучше разобраться,
вы скорей сцепились драться.
Совесть, что ли в вас спала?»
И тихонько вновь пошла,
взвалив скорби новый воз,
бормоча себе под нос:
«Пускай бог меня осудит,
но не скоро видно люди
прейдут к образу Христа,
Бога сбудется мечта.
Как осилить в себе зверя?
Так не знаю и теперь я,

хоть пытаюсь с давних пор».
Повернувшись к цепи гор,
тихо, что-то прошептала,
ну а что, одна лишь знала.

КНИГА 2

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВСЕЛЕННУЮ

Счастье миру дать мечтая,
терпит муки Русь святая,
мысль неся высоким слогом.
Русский Дух дан Миру Богом,
станет русским человек,
Золотой наступит век.

Гл – 1

1

В южном городе, у гор,
с очень давних – давних пор,
мрачноватый, как немтырь,
среди домов есть монастырь.
Видно жизнь решив сама,
в современные дома,
будто в каменный карман,
в суеты людской дурман,
погрузила древний храм,

и стоит теперь он там,
в гуще жизни одиноко,
глядя в небо лишь высоко,
оградив себя стеной,
не желая знать иной
жизни, в этот новый век,
где безбожный человек
правит всеми, всем и всюду,
а простому только люду
жизнь, так легче и не стала,
хоть наука уж не мало

быт продвинула вперёд,
трудно всё ж живёт народ.
Здесь когда-то был пустырь,
и стоял тот монастырь
за чертою городка,
но промчались вот века,
город вырос вширь и ввысь,
лишь надежды не сбылись,
что пройдёт двадцатый век,
станет лучше человек.
Гам людской, и шум машин,
разрушители тиши,
не смолкают допоздна;
и обитель лишь одна

островком покоя дремлет,
суете всей той не внемля:
не досуг людское ей,
жизнь живёт судьбой своей.
Шумный день окончил бег,
приближалось время нег,
тишины и упоенья;
и примчатся сновиденья,
стаей птиц, в людские души,
попытаться чтоб нарушить,
монотонный, судьбы, шаг;
как, покоя, хитрый враг,
чтобы души всколыхнуть,
дать стремленье познать суть.
Гас в окошках жёлтый свет,
образуя тёмный след,
на стенах домов, квадратом;
и родители, ребятам,
шлют команды «по домам»,
беспокойство ж отцов, мам,
всё ж ребятам не понятно;
им общение приятно

в тишине ночной прохлады,
но, однако ж, идти надо,
и пустеют быстро скверы;

спать легли и слуги веры.
Но в одном окошке кельи,
как в союзе с тайной целью,
нет, не лампа Ильича,
а мерцает, чуть, свеча.
В скромной комнатке, монашка,
лишь в одной простой рубашке,
сидит горбясь, на постели,
тоже скромной колыбели,
сама ж, древняя старушка;
а пред нею, на подушке,
золотая лежит книга,
в ней, не страстная интрига,
не священное писанье,
в ней таится кладезь знания.
И быть может, не случайно,
в книге спрятанная тайна,
ещё в детстве, ей попала,
и её судьбою стала.
В параллель богослуженью,
жизнь ушла на постиженье,
там изложенных, основ;
а священный кельи кров,
стал союзником ей в деле;
и достигла она цели:
и хоть жизнь пусть вся прожита,

тайна ею, всё ж, открыта.

2

Наконец решила Света:
«Пусть сегодня будет это,
пождёт пускай могила».
Бездна звёздная манила.

За окошком плыла ночь.
Страх, сомненья, гоня прочь,
Света, глянув в небо смело,
окрестив себя умело,
книгу медленно закрыла,
и в тайник, в полу, вложила;
волей в мыслях собралась,
на постели улеглась,
и казалось, что потом,
забываться стала сном.
Время медленно бежало,
и дыханье в ней стихало;
пульс слабел и замедлялся,
лик блаженно округлялся,
остывало тихо тело,
становясь всё больше белым,
кожа стала цвета мела.
Свечка в келье догорела,

воск расплылся словно масло,
чуть дымнув, она погасла.
Как кончины жизни знак,
погрузилось всё во мрак.
А в той книге непростой,
под обложкой золотой,
на её златых страницах,
мироздания царица,
чтоб любая душа вняла,
скрупулёзно разъясняла,
суть и способ совершенья
душ людских перемещенье
во вселенной по мирам,
чтоб возникнуть только там,
где себе поставил целью.
И теперь, покинув келью,
человеческая сущность,
в том осмыслив всю научность,

из монашеского тела,
во вселенную взлетела,
в самый центр мироздания,
чтоб ещё постичь там знанья,
назначение людское,
этим совесть успокоить;
возвратившись же назад,

развернуть идущих в ад;
мало времени осталось.

В книге также разъяснялась,
нужных в том, теорий суть.

Смогла Света почерпнуть
знаний, людям неизвестных,
очень сложных, интересных.

Там теория гласила:

существует в мире сила,
от физического взгляда,
поле высшего разряда;
примитивно сказать можно,
что структуры тонкой, сложной,
как компьютерная схема,
но являясь миру леммой,
совершенствуется им,
сделав нужное своим.

Наш же с вами организм,
есть сложнейший механизм,
превращения полей низших,
ступенями, к виду высших.

И всего их пять ступеней,
претерпев пять изменений,
превращаются вконец,
в энергетики венец:
скажем, умственное поле,

а внутри нас, это воля.
Разум каждого, как вязь,
с общим полем держит связь,

его будучи ячейкой,
динамичной и не клейкой.
Чем сильнее твоя воля,
тем мощней в тебе, то поле,
значит стойче, глубже связь,
душа чище, а та грязь,
что пороками зовётся,
и в наследство нам даётся
от животного начала,
тобой править будет мало.
Ну а если вдруг случится,
людям как-то научиться
энергетикой всей править,
можно будет не оставить
в себе места недостаткам,
и тогда пойдёт всё гладко,
по заветам от Христа,
а греховность жизни та,
от людей уйдёт в забвенье;
будет только наважденье
благородства, чистоты;
человеком станешь ты,

говорю без комплиментов,
ты на все уж сто процентов:
таким станешь – как Христос.
Как достичь того – вопрос!
И душа монашки той,
чиркнув по небу звездой,
понеслась искать ответ,
а удастся то, иль нет,
знать конечно не могла,
только жизнь уж отдала,
превратив ту цель в мечту,
чтоб открыть всем тайну ту.

3

Город медленно проснулся,
с наслажденьем окунулся
в серебро, рассвет изливший,
зелень скверов окропивший
бриллиантовой росой.
В небе розовой косой
зажигался новый день;
сновидений томных сень,
покидала плавно души.
Только храм дремал, но слушал,
не тревожа звоном слуг,
как вскипала жизнь вокруг.

В храме, всё по расписанию,
пробужденье и вставанье,
службы, трапезы, работы,
о святых делах заботы.

Всё течёт там, день за днём,
в строгом правиле своём.

Жизнь в спокойном ритме шла:

вот заутреня прошла,
вот обедню отслужили,
двор прибрали, всё помыли,
настоятельница строга,
всё должно сиять у Бога,
а не только ложки, чашки;
и послушницы монашки
заняты все делом были,
про мать Свету ж, позабыли.

Первой вспомнила игумна,
полновата, дыша шумно,
обходя, как утка, двор,
и услышав жаркий спор,
среди столпившихся старух,
поучавших молодух,
и не видя там Светланы,
вдруг подумала: «Вот странно,
мать Светлана запропала,
на обедне не видала,

все молебны пропустила,
и о трапезах забыла»,
бормоча всё, – «странно, странно»,
послала позвать Светлану.

Исполнять пошла Лукерья,
вошла, тихо скрипнув дверью,
смотрит – та лежит в постели,
лицо, руки побелели,
и похоже, что не дышит,
грудь рубашку не колышет,
не слышать дыханья звука;
и попятившись с испуга,
часто – часто окрестясь,
опрометью понеслась.

Ряса вздулась как метла.
«Мать Светлана умерла!»
– так со страха завопила,
только к выходу ступила;
пробежав во весь опор,
кляпом выпала во двор.

Все опешили сначала,
как Лукерья закричала,
но узрев её испуг,
они поняли все вдруг,
что со Светой что-то случилось.

И игумна вмиг помчалась

посмотреть, что там, сама;
удивилась всё ж весьма,
когда Свету осмотрела;
непонятно что-то дело,
вроде мёртва, вроде нет;
и узнать чтобы ответ,
в город шлёт позвать врача;
на Лукерью же ворча,

и стремясь всех успокоить,
говорит им, что не стоит
пока Свету хоронить,
ещё рано в морг звонить;
преждевременен и плачь.
Вскоре «скорая» и врач
под сирену прикатили,
им ворота отворили,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.